

№4 (157)
ИЮЛЬ-АВГУСТ 2019

ДАГЕСТАН

dagjournal.ru

Carmina Burana

Колонка неглавного редактора

Эмэмэй, трали-вали...

«Любовь народа — валюта ненадёжная», говаривал трибун революции, а впоследствии враг народа Лев Давыдович Троцкий. И не подозревал, насколько он прав, потому что потом случилась с ним занятная история с ледорубом.

Ещё совсем недавно, прогуливаясь по Махачкале, можно было встретить немало юношей, стриженных а-ля Рамзан. Но то ли земельный вопрос всё испортил, то ли наезд на «наше всё» — имама Шамиля — из Грозного... И вот — иные веяния: звезда Рамзана теряет в рейтинге народного обожания. И даже тысячи подаренных на Курбан-Байрам баранов не сильно помогают.

А нынче, как писал кудрявый и бакенбардистый Пушкин, погляди в окно: что ни парень, то Хабиб. Практически икона стиля и пример для подражания во всём. И не только пример.

Занесённый непонятно каким ветром в Цумадинский район человек многих талантов Борис Войцеховский отыскал высоко в горах простую русскую девушку Надю из города Ржев, которая чуть не стала Хадиджей. Красавица, мусульманка и, судя по тому, что она приехала преподавать английский в Агвали после переписки с Хабибом и его отцом, — скоро и спортсменка. Как пел Юрий Никулин в «Кавказской пленнице», загоня баранов во двор: «Эмэмэй, трали-вали...». Ну, или как-то похоже...

Тут надо непременно сказать, что некоторая часть молодой столичной поросли продолжает пренебрегать спортивным трендом, предпочитая шататься по всяким этно-рок-джаз фестивалям и, страшно сказать — кантатам. Как водится, Влада Бесараб, используя служебное положение, побывала и на безбашенном «ПРОявлении-05», и на классической, с хором, оркестром и балетом «Carmina Burana». Которая на самом деле до отказа заряжена весёлой вагантовской поэзией с чертями, пьянством и прочим харамом. Если кто ещё помнит песенку «На французской стороне» — так это тоже оттуда стянуто. Пели, впрочем, на латыни и средневерхне-немецком, что, однако, никого не шокировало.

Напоследок немного о наших таких разных медиа... Минюст Дагестана явно хочет попасть в книгу рекордов Гиннеса: там умудрились избрести почти сотню формулировок отказа в митинге в защиту «черновиковца» Абдулмумина Гаджиева. Минюст упёрся рогами, соревнование в казуистике ещё продолжается, а Тамерлан Магомедов уже опрашивает коллег по цеху: выплывет или всё же потонет независимая пресса. Что не отменяет ощущения, что кто-то путает личную шерсть с государственной.

Береги себя, читатель, мы ещё вернемся к нашим баранам.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- 4 *Тамерлан Магомедов*
Ведь был солдат
бумажный...
- 9 *Андрей Меламедов*
В поисках
зелёного омбудсмена
- 14 *Наида Хаспулатова*
Акуша:
башни, кувшины
и капуста без картошки
- 23 *Наида Хаспулатова*
Кадры решают.
И что?
- 30 *Борис Войцеховский*
В Агвали на ПМЖ

Фото в номере: Руслан Алибеков, Катя Дериглазова,
Селим Таджибов, Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№4(157) июль-август 2019 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство информатизации,
связи и массовых коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
1350000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

<p>35
Сергей Лугуев.
Этика этноса</p>	<i>Генезис</i>	<p>52
Истории</p>	<i>Светлана Анохина</i>
<p>38
Автаркия
больших пространств</p>	<i>Владимир Севриновский</i>	<p>57
Лирика</p>	<i>Саша Делеменчук</i>
<p>43
На сцену,
бродяги и ваганты!</p>	<i>Влада Бесараб</i>	<p>60
Тайная тетрадь</p>	<i>Магомед Бисавалиев</i>

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

Регистрационный номер ПИ № ТУ05-00418 от 22 апреля 2019 года.
ОГРН 1120572002066

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Тамерлан Магомедов

ВЕДЬ БЫЛ СОЛДАТ БУМАЖНЫЙ...

Спустя месяц после ареста Абдулмумина Гаджиева — журналиста редакции «Черновика», следствие полностью поменяло суть обвинения, отказавшись от версии о том, что он администрировал в соцсети группу, с помощью которой лично собирал деньги для боевиков. По мнению его коллег, поняв всю смехотворность и слабость этого обвинения, следствие отказалось от него и теперь утверждает, что он лишь содействовал финансированию терроризма.

Принципиальным аспектом в новой трактовке обвинения является утверждение о том, что содействие финансированию терроризма Гаджиев осуществлял, публикуя в газете статьи о благотворительной деятельности фонда «Ансар» и его учредителя — проповеднике Абу Умаре Саситлинском, который с 2014 года проживает за пределами России. Якобы достоверно зная, что средства, собираемые Саситлинским на благотворительность, на самом деле уходят на финансирование боевиков запрещённой в России ИГИЛ, журналист Гаджиев ему в этом помогал. Выступая в защиту своего коллеги, журналисты «Черновика» подчёркивают, что в 2013 году, когда Абдулумин Гаджиев брал упоминаемое в материалах обвинения интервью у Саситлинского, ни сам проповедник, ни фонд «Ансар» не преследовались государством в уголовном порядке. Саситлинский не был в розыске, а фонд «Ансар», несмотря на многочисленные проверки силовиков, спокойно работал и закрылся в 2014 году, когда Абу Умар покинул Россию.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма гласит, что любое лицо также совершает преступление, если умышленно способствует совершению группой лиц финансирования терроризма. Под финансированием терроризма Конвенция понимает предоставление или сбор средств, которые могут осуществляться любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно. Российский Уголовный кодекс под финансированием терроризма также понимает предоставление или сбор средств лишь при наличии умысла. В обоих случаях наличие доказательств преступного умысла является неперенным условием для предъявления обвинения. Таковых, по мнению коллектива «Черновика», у следствия просто нет. Хотя стоит отметить, что в современных российских правовых реалиях в качестве таких доказательств могут быть использованы показания засекреченного свидетеля, которые следствие позднее предъявит в суде.

В условиях, когда Абдулмумина Гаджиева могут осудить на основе анонимных

показаний, достаточно тревожно начинает звучать мнение коллектива «Черновика» о том, что уголовное преследование их коллеги — это спланированная и хорошо подготовленная акция со стороны влиятельных силовиков. Сама формулировка обвинения в перспективе позволяет следствию привлечь руководство «Черновика» к уголовной ответственности в качестве его соучастников, а саму газету обозначить в качестве орудия преступления.

В целом, в «Черновике» считают, что это давление связано с освещением редакцией обстоятельств расследования убийства силовиками в 2016 году братьев Гасангусейновых, с систематической публикацией газетой антикоррупционных расследований, а также с бескомпромиссным освещением процессов, происходящих в республике и в стране. Опасаясь провокаций со стороны силовых структур, журналисты издания призывают всех, кто неравнодушен к происходящим в стране и Дагестане общественно-политическим процессам, поддерживать в эту трудную минуту... самих себя!

Возможное закрытие «Черновика», а также затяжное финансовое пике второй по популярности газеты «Новое дело», из которого она легко может и не выйти, означают, по сути, зачистку независимого сектора медиапространства. Однако закрытие независимых газет может стать для республиканского руководства одной из самых печальных из всех его «пирровых» побед.

Как показывает опыт Советского Союза, свободомыслие всегда находит каналы для самореализации. В годы коммунистического тоталитаризма отсутствие независимой прессы достаточно неплохо компенсировалось легендарным «самиздатом», под которым понимались различные способы неофициального и потому неподцензурного производства и распространения литературных произведений, религиозных и публицистических текстов. Копии текстов изготавливались без ведома и разрешения официальных органов власти машинописным, фотографическим или рукописным способами, а к концу эпохи СССР — также и при помощи компьютеров и оргтехники.

Неслучайно, что само слово «самиздат» вошло в английский язык как название неподконтрольной властям литературы в тоталитарных и авторитарных странах.

Хотя само слово «самиздат» появилось в России лишь в середине XX века, запрещённые произведения с древнейших времён передавались друг другу рукописным способом. Именно так в XVIII веке распространялись сатиры Александра Петровича Сумарокова. В первой половине XIX века, когда Россия буквально кишела тайными обществами, от руки переписывались и скрытно распространялись воззвания будущих декабристов, а позже и «народников». На следующий же день после смерти А.С. Пушкина весь Петербург (а вслед за ним и Москва) читал ходившие по рукам многократно переписываемые строчки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта». В то время это называлось «хождением в списках»: слово «список» обозначало рукописную копию.

Сегодня «попадание в списки» означает причисление журналиста к неблагонадёжным, которых выдавливают из государственных СМИ, ограничивая возможность выступать на телевидении и в официальных изданиях. Одним из таких можно назвать

Арсена Набиева, который возглавляет информационную службу частного телеканала ННТ. Заметное достижение канала

— вхождение в лист лидеров рейтинга северокавказских СМИ с наибольшим количеством подписчиков в соцсетях.

— *Новости ННТ полностью ориентированы на соцсети, на Ютуб и Инстаграм, — утверждает Набиев. — Подписчиков в Инстаграме у нас в несколько раз больше любого республиканского госСМИ. В среднем выпуск новостей набирает порядка 25–30 тысяч просмотров. Ещё больше просмотров получаем опосредованно, когда самые яркие новостные сюжеты тиражируются популярными пабликами. Акцент на работу в интернете отчасти вынужденный и связан, прежде всего, с ограниченностью охвата аналогового вещания канала. Нас смотрят, думаю, потому, что мы собираем новости по принципу информационной ценности того или иного события. Нам легче, мы не подвязаны под информповестку власти. Конечно, ключевые политические события освещаем. Стараемся при этом не «хайповать», но работать на свою аудиторию, — говорит Арсен, отмечая, что интернет может быть и злом.*

— *В стремлении набрать количество просмотров национальные СМИ сегодня также переключились на работу в интернете, практически перестав играть основную для себя роль национальных СМИ. Стремясь опередить конкурентов, они выдают банальный рерайт, не утруждая себя производством уникального контента. ГосСМИ часто занимаются перепечаткой информационных сообщений официальных пресс-служб, что не является подлинным отображением информационной повестки. При этом ни один успех в работе власти не доносится до населения на понятном ему языке и не разъясняется дополнительным анализом темы. Читатель получает лишь невнятную констатацию скучных данных в виде многократно перепечатанных шаблонов. Это приводит к утрате аудитории. В поисках живого слова читатель переключается на соцсети, — акцентирует Арсен, обозначая ещё одну проблему отрасли.*

В погоне за аудиторией в социальные сети сегодня бросились и государственные СМИ, однако без особого успеха. К примеру, наиболее популярная среди бюджетных газет

«Молодёжь Дагестана» имеет в своём телеграм-канале всего лишь 660 подписчиков. И это при том, что в редакции — лучшие в республике репортёры. В то же время у ориентирующегося на аналитику «Черновика» в «телеге» более шести тысяч читателей, что сопоставимо с бумажным тиражом.

Ярким примером вымирания классического СМИ в России можно назвать историю популярнейшего ранее интернет-издания «Лайф». Создавший этот сайт Арам Габрелянов сегодня является неофициальным владельцем нескольких телеграм-каналов, в которые перетекли журналисты из проданного Габреляновым «Лайфа». В том числе ими созданы такие популярные каналы, как «Мэш» и «База». А это значит, что «самиздат» в интернете становится и всё более прибыльным. К примеру, известный блогер Расул Асадулаев, создавший и администрирующий телеграм-канал «Спросите у Расула», уже зарабатывает на размещении рекламы. После того, как его канал наберёт более 10 тысяч подписчиков (пока их 8,4 тысячи), он сможет рассчитывать уже не только на периодическую рекламу, но и на постоянную спонсорскую поддержку.

Главный редактор бюджетной газеты «Замана» Арсен Юсупов, говоря о печатных СМИ республики, напомнил, что прессе, выходящей на национальных языках, вообще-то на часах истории натикал стольник. В 2021 году отметит вековой юбилей и

даргинская «Замана». Понятно, что все эти СМИ создавались в то время, когда газета была единственным источником информации. Поэтому, по мнению Арсена, нужно пересмотреть цели и задачи, которые стоят перед национальными СМИ.

— Новостной или общественно-политический контент в бумажной версии издания — это уже утопия. Исключение может составить аналитика. К сожалению, этот жанр в этножурналистике почти угас. Думаю, «националам» пора меняться, уходя от общественно-политической в этнокультурную тематику. Информационное пространство трансформировалось, изменилась скорость передачи. Доставкой бумажной прессы в основном занимается «Почта России», в результате лишь небольшая часть доходит до подписчика в срок. Кто купит газету с устаревшей информацией? Если учитывать, что основной читатель — это жители горных районов, где не так много людей имеют стабильный доход, подписка на газету, которую могут и вовсе не принести — непозволительная роскошь.

Естественно, хочу сказать об острой нехватке квалифицированных журналистов, владеющих литературным языком. Оплата труда в бюджетных СМИ, до сих пор основывается на старом положении об отраслевой системе оплаты труда. Конечно, требуется пересмотр не только контента, но и оптимизация самой структуры. Есть несколько вариантов — от создания одного медиахолдинга до разделения на этнохолдинги, где будут сосредоточены все издания на каждом языке. Аутсорсинг некоторых финансовых вопросов, касающихся госзакупок, единая юридическая служба, рекламный отдел. Оставить для журналистов только текущие творческие вопросы и достойную оплату за труд, — рассуждает Арсен, деликатно обходя тему самоокупаемости СМИ.

Причины кризиса, прежде всего финансового, обозначил Гаджимурад Сагитов, пытающийся сохранить возглавляемое им «Новое дело»:

— Тенденция в отрасли одна — уверенно идём ко дну. Ведь для того чтобы развивать любое предприятие (в том числе и СМИ), нужны

свободные оборотные средства. Это простое экономическое правило, которое уже потопило всю дагестанскую промышленность. Если нет средств на перевооружение производства, то нет и возможности произвести популярный на рынке товар. Отчасти это привело к тому, что мы поздно вышли в интернет, продолжая работать на печатную версию газеты. Однако следует понимать, что средства у независимой газеты могут появиться лишь из двух источников.

Основной — реклама. А необходимость в ней появляется в регионе либо при наличии мощной экономики, либо при наличии мощных политических процессов. Однако это не случай Дагестана. Ни роста экономики, ни того же самого в политике мы не видим. А значит, нет доходов и у независимой прессы. Мало того, ухудшение ситуации в нашей газете связано только с тем, что у нас сложились не очень тёплые отношения с прошлым руководством республики. Главы муниципалитетов нам открыто признавались, что не могут размещать у нас политическую рекламу, потому что получают за это нарекания сверху. По этой же причине они были вынуждены отказываться и от подписки на нашу газету.

Второй источник — бюджет. На Западе поддержка независимых СМИ (бюджетных у них и нет) идёт в виде грантов. В России сегодня вроде как тоже рыночная экономика, однако государство финансирует лишь «свои» издания. Такое отношение бьёт не

только по нам. Если с рынка начнёт уходить независимая пресса, то частным оптовикам станет менее выгодно распространять и бюджетные издания. Не стоит забывать, что ассортимент — это двигатель торговли. Поэтому ещё неизвестно, кто в итоге окажется в выигрыше, — подытоживает Гаджимурад.

Правда, кардинально иной точки зрения придерживается главный редактор «АиФ» в Дагестане» **Вефадер Меликов:**

— Современный кризис медиаотрасли в Дагестане, прежде всего, обусловлен низким уровнем образованности населения. Сегодняшний читатель печатных изданий — это успешный выпускник советской школы. А их с каждым днём всё меньше и меньше. Падение уровня образования привело к тому, что люди стали меньше стремиться к знаниям, предпочитая праздные развлечения: их практически бесплатно и неограниченно предоставляют человеку социальные сети.

Скудость познаний ведёт человека и к бедности материальной. Человек, посвящаящий несколько часов в день социальным сетям, не ценит своё время, он не менеджер своего дня. При этом мы видим, что в странах с высоким уровнем образования печатная пресса по-прежнему сохраняет свои позиции. Судить об этом можно на основании хотя бы того, что *New York Times* и сегодня выходит многомиллионным тиражом, несмотря на то, что США являются родиной социальных сетей, где сегодня проводят всё своё свободное время наши земляки.

Читатель газеты — это ценитель своего времени, которое в большинстве случаев достаточно хорошо оплачивается работодателем. Потратив скромную сумму на покупку газеты, человек получает выжимку новостей о наиболее важных событиях и грамотный экспертный анализ, подготовленный высокопрофессиональными журналистами. Естественно, что сегодня газета должна присутствовать в интернете. Однако недопустимо скатываться до уровня социальных сетей. Быть первым? Да! Иметь эксклюзивные источники информации? Да! Публиковать только достоверную информацию? Да! Всего лишь эти три простых правила, при их неукоснительном соблюдении, позволяют сформировать свою постоянную аудиторию. Найти читателя, который будет читать вас и на сайте, и подписываться на газету. Вслед за аудиторией всегда приходит реклама, а значит, появляются возможности для развития. Именно наличие рекламы является главным индикатором качества издания. Если есть тираж или просмотры на сайте, но нет рекламы, значит, в редакции что-то делают не до конца честно, — считает Вефадер.

Сам же автор вынужден констатировать: журналистика сегодня вполне может быть успешной, только если это — журналистика здравого смысла. Неправильно увлекаться пением од своему учредителю, но и не стоит впадать и в ангажированную критику. Читатель, что бы там не писали об НЛП, отнюдь не дурак и всегда чувствует, когда ему врут. Может, главное правило журналистики — просто не врать?

Андрей Меламедов

В ПОИСКАХ «ЗЕЛЁНОГО» ОМБУДСМЕНА

Тотальная и бессистемная застройка Махачкалы не только надёжно изуродовала город, но и создала предпосылки для масштабной экологической катастрофы — за последние двадцать лет количество деревьев в столице республики уменьшилось на порядок, а немногие оставшиеся находятся в зоне риска. Чтобы вы себе представляли: на порядок — это как если бы у вас в кармане было сто рублей, а стало вдруг десять. Рублей. Такой вот дефолт.

Практически ежедневно в СМИ и соцсетях появляются сообщения о «зачистке» от зелёных насаждений очередного двора и продолжении «боевых действий» застройщиков на стратегических направлениях в районе Эльтавского леса, озера Ак-Гель или сквера на территории портовой больницы.

О том, как изменить ситуацию и прекратить войну бетона против дерева корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с директором института «Дагагропромпроект» Назимом Ханбалаевым и одним из руководителей общественного движения #ГородНаш адвокатом Арсеном Магомедовым.

— Арсен, ваше движение возникло в ходе борьбы горожан за спасение парка Ленинского Комсомола, в котором власти республики хотели построить музей, избавившись при этом от «лишних» деревьев. Горожане победили, парк отстояли и решили объединиться для защиты зелёных насаждений от застройщиков и чиновников. Что-то ещё удалось сделать с тех пор?

А. Магомедов: — Честно говоря, не очень много. Спасли от застройки территорию рядом с памятником Эфенди Капиеву на проспекте Расула Гамзатова, несколько раз пресекали попытки окончательно уничтожить Эльтавский лес. Второй год боремся за сохранение парка возле озера Ак-Гель, в

котором хотят построить собор. Ну, и пытаемся помешать планам администрации города установить в парке Ленинского комсомола колесо обозрения; спасли от вырубке несколько зелёных дворов. У нас ведь не очень много ресурсов, а суды, экспертизы — дело достаточно затратное.

Но самое главное — нам постоянно приходится тушить пожары, очаги которых создаются повсеместно. Причём с такой скоростью, что на подавляющее большинство сигналов мы просто не успеваем реагировать.

— Главная причина массовых вырубок — алчность застройщиков?

А. Магомедов: — Не только. Предпосылки многих нарушений на совести городской администрации. Есть кадастровая

карта города, на которой все зарегистрированные участки обведены красной линией. Это знак того, что у участка есть хозяин. А теперь смотрите, вот на карте зелёное пятно, небольшой сквер или чудом сохранившаяся группа деревьев. И оно ничем не обведено, собственника нет. Любой мошенник с деньгами и связями легко может оформить этот участок на себя. Что и происходит. Именно поэтому все зелёные зоны в городе — территория повышенного риска. Необходимо срочно оформить их как собственность города. Да, это дело затратное, но лучше потратить несколько миллионов, чтобы сохранить сотни миллионов. Вместо того чтобы радоваться мизерным налогам, собираемым с парков, отданных на откуп бизнесу.

Н. Ханбалаев: — На мой взгляд, главные виновники создавшейся ситуации сидят всё же не в мэрии. Вспомните, когда последний раз вопросы озеленения обсуждались в правительстве республики? Не вспомните, ручаюсь. Потому что за последние тридцать лет эта тема не поднималась ни разу. Не занимались этим и в Народном Собрании.

А кто у нас в правительстве курирует вопросы озеленения? Правильно, никто. В связи с этим я, как бывший чиновник, скажу: если нет ответственного, то не будет и зоны ответственности. Это аксиома. До перестройки за озеленение городов и сёл лично отвечал один из заместителей председателя прави-

тельства. Причём, как правило, самый сильный и авторитетный из замов. Больше того, руководителями Общества охраны природы в Дагестане назначались бывшие министры, а то и зампреды правительства. Долгое время общество возглавлял Алексей Коршунов, бывший первый секретарь Махачкалинского горкома КПСС, ставший затем заместителем председателя правительства.

И поэтому когда я, работавший в 1975 году руководителем Ленинского района Махачкалы, озаботился озеленением Махачкалы, то моментально получил поддержку руководства республики. На тот момент, согласно статотчётам, на одного махачкалинца приходилось меньше 6 квадратных метров зелени. В реальности же цифра была в два, а то и в три раза меньше. В Москве же на человека в то время приходилось около 18 «квадратов» зелёных насаждений — разрыв сумасшедший.

Прежде всего, мы позаботились о поливе будущих саженцев. Для этого от КОРа по всем перпендикулярным улицам (Кирова, 26 Бакинских комиссаров, Чернышевского, Дахадаева и другим) мы проложили трубы диаметром 76 мм. И лишь после этого приступили к будущим посадкам. Породы выбирали тщательно, с учётом климата, наших условий. Это дело контролировала главный агроном Горзеленхоза Калимат, если не ошибаюсь, Нуцалханова, — замечательный человек и грамотный специалист.

Параллельно с озеленением улиц разбивали новые парки и скверы. Так появился ныне изуродованный парк 50-летия Октября, многие другие парки и скверы, ныне исчезнувшие с карты города. Могу перечислить по памяти... Сквер по улице Ирчи Казака — от Кирова до магазина «1000 мелочей», сквер на Венгерских бойцов рядом с приборостроительным заводом, сквер рядом с памятником Кирову, сквер напротив Махачкалинского ДСК (сейчас там таможня и рынок), сквер-треугольник перед комбинатом строительных материалов и заводом железобетонных конструкций, сквер в районе корпуса филиала Академии наук по улице 26 Бакинских комиссаров, зелёная зона на территории фабрики III Интернационала, сквер на улице Ушакова за клубом этой фабрики, сквер рядом с санчастью МВД по улице Пушкина. И это ещё не полный список. Вот сейчас вспомнил про сквер с фонтаном напротив школы № 5, рядом с пединститутом.

А. Магомедов: — С ума сойти! Я и половины этих скверов не помню. Что же они с городом сделали!

Н. Ханбалаев: — Помимо этого, мы предметно занимались озеленением дворов. Ни один новый дом не принимали в эксплуатацию, если двор был без саженцев. Если же сдача объекта происходила зимой, когда посадки вести нельзя, мы подписывали акт о приёме лишь после того, как строители перечисляли деньги на озеленение на счёт Горзеленхоза.

— А сосны на склоне Тарки-Тау появились в тот же период?

Н. Ханбалаев: — Да. Там мы высадили и сохранили целую сосновую рощу, которая ныне почти уничтожена. Вообще, Дербентское шоссе (ныне проспект Аметхана Султана) было зелёным с обеих сторон. Обустроили мы и Каспийское шоссе. Когда там кто-то поломал два молодых саженца, поисками злоумышленников занимался лично заместитель начальника Ленинского РОВД Укмасов. Такое было отношение. В итоге меньше чем за десять лет мы довели площадь зелёных насаждений в Махачкале до 11 квадратных метров на человека. И это

были уже реальные цифры, без всякой статистической подтасовки. Планировали мы заняться озеленением территории вокруг озера Ак-Гель, но, увы, не успели.

— **Интересно, какая ситуация в городе сегодня?**

Н. Ханбалаев: — Никто не знает, данных нет. Накануне нашей встречи я обзвонил несколько организаций и выяснил, что в республике уже очень давно не ведётся учет по наличию и динамике зелёных насаждений по городам и районам — как в целом, так и по площади на одного жителя. Всё закономерно. Как я уже говорил, если нет ответственных, не будет и зоны ответственности.

А. Магомедов: — В итоге в правилах землепользования и застройки Махачкалы (ПЗЗ) вместо реальных зелёных зон, исчезнувших с карты города, появляются фантомные. Так, к примеру, улицы Котрова и Гаджиева — это чуть ли не лесопарки в черте города, хотя всем ясно, что массовыми посадками в этих районах никто заниматься не будет, поскольку места для этого там нет.

— **Не так давно Владимир Васильев вместе с другими чиновниками под прицелом телевизионных камер высаживал саженцы на новой аэропортовской трассе — акция «Зелёные километры».** Ни один из высаженных тогда саженцев, на покупку которых, кстати, были потрачены немалые деньги, не выжил, — их попросту

забыли полить. Назим Играмудинович, а как с поливом было у вас?

Н. Ханбалаев: — Рабочий день у меня начинался с 9 часов. Но уже с 8 я объезжал все места новых посадок и контролировал качество полива. Этим же занимались мои заместители, а также директора предприятий, рядом с которыми производились посадки. За каждый сквер, каждый двор отвечал конкретный человек, с которого можно было спросить, и спросить достаточно строго. Чтобы вы представляли себе, как в то время в республике относились к проблемам озеленения, приведу всего один пример. Когда облицовывали бетоном КОР, строители начали работы с того, что стали пилить деревья в сквере, разбитом незадолго до этого — рядом с приборостроительным заводом. Спасать деревья бросились не только рабочие завода. На место работ приехал первый заместитель председателя правительства Магомед Абуев. Строители начали убеждать его в том, что площадка на берегу КОРа нужна им для удешевления работ. «А сколько нужно денег, чтобы и КОР забетонировать, и деревья сохранить?» — поинтересовался зампред. Начальник проектно-сметной организации озвучил сумму, и правительство республики ему эти деньги выплатило. Такой был подход.

— **Что, по-вашему, следует предпринять, чтобы изменить сегодняшнюю ситуацию, превратить Махачкалу в зелёный город?**

Н. Ханбалаев: — Без системного подхода, серьёзной государственной программы ничего не выйдет. Причём решать её следует комплексно, вместе с другими «больными» городскими проблемами. Чтобы застройкой города распоряжались не бизнесмены, правдами и неправдами «добывшие» в городе участок земли, и даже не главный архитектор города (он всегда человек зависимый), а сообщество архитекторов, реально работающий градостроительный совет. Именно он должен заниматься корректировкой проблемных кварталов, минимизируя огрехи и нарушения прошлых лет. И, естественно, должно подключиться правительство, эти вопросы должен будет контролировать один из зампредов.

А. Магомедов: — Назим Играмудинович уже говорил о персональной ответственности чиновника. Считаю, что назрела необходимость создания специального органа, неподотчётного городу, который будет контролировать исключительно озеленение и сохранение зелёных насаждений в Махачкале. Возглавлять его должен, скажем так, омбудсмен по проблемам озеленения, напрямую подчиняющийся правительству. Этот орган должен генерировать задачи по озеленению, следить за состоянием городской среды, представлять в судах республику в спорных вопросах. Это очень важный момент. Не раз и не два я сталкивался с тем, что в спорах общественников и чиновников суд, как правило, принимает сторону последних. А если против одного чиновника будет выступать другой, есть надежда, что решение будет более объективным.

И ещё один важный момент. Для того чтобы вернуть городу архитектурный контроль и минимизировать риски чиновничьего произвола, необходимо адаптировать ПЗЗ к местным условиям. Эти ПЗЗ должны быть разработаны с учётом интересов горожан с максимальным использованием потенциала архитектурного сообщества. Естественно, при этом следует избавиться от ошибок (зачастую умышленных), а также всякого рода мин замедленного действия, заложенных в ПЗЗ исключительно ради

выбивания денег у населения и бизнеса. Чтобы эти правила (как и задумано в идеале) защищали и людей, и застройщиков от произвола чиновников. Эти простые меры превратят чиновников в технические фигуры, которые при всём желании не смогут влиять на ситуацию с застройкой в городе.

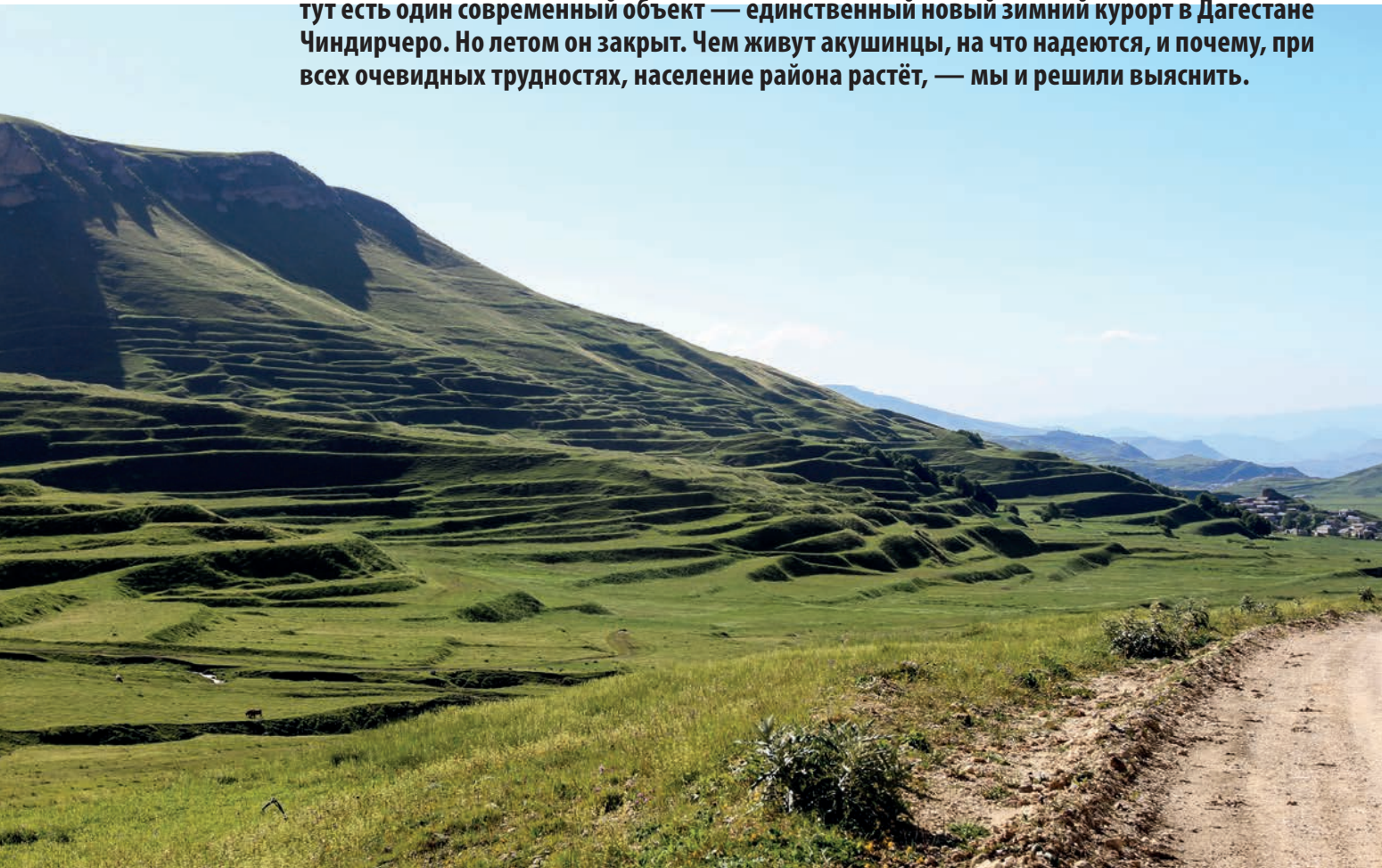
Н. Ханбалаев: — Полностью согласен с Арсеном, за работой которого по сохранению зелёного щита города я внимательно слежу. Добавляю только одно. Вместе с традиционными посадками растений в Махачкале, с её теснотой и застроенностью необходимо максимально использовать возможности ландшафтной архитектуры, превращающей в поляны и клумбы стены домов и помогающей озеленять самые тесные дворы, «бесперспективные» с точки зрения традиционного агронома. Но это уже детали, главное — решить системные задачи, о которых мы сказали выше. Без этого у нас ничего не получится.

Найда Хаспулатова

АКУША: БАШНИ, КУВШИНЫ И КАПУСТА БЕЗ КАРТОШКИ

УАкуша древняя и яркая история: здесь было много битв, побед, героев, а сама местность издавна считалась богатой на урожай и славной своими ремесленниками. И сейчас это один из самых больших районов Дагестана – почти 60 тысяч человек. Но, увы, далеко не самый процветающий. В первую очередь, наверное, потому, что горный — из Махачкалы до райцентра мы ехали три часа по неважной дороге, внутри района асфальта почти нет. А так — тут прекрасный климат: когда в Махачкале стояла изнывающая жара, тут было приятное сухое тепло. Много нереально красивых лугов с высокой изумрудной травой и россыпью разноцветных цветов. Много террас, но... Почти все они заброшены. То, что фактически вручную создавалось предками, внуки поддерживать не хотят. И вообще, такое чувство, что жизнь здесь уже давно замерла: нет ни садов, ни виноградников, почти нет огородов и животных, хотя людей хватает. Правда, тут есть один современный объект — единственный новый зимний курорт в Дагестане Чиндирчero. Но летом он закрыт. Чем живут акушинцы, на что надеются, и почему, при всех очевидных трудностях, население района растёт, — мы и решили выяснить.

В поисках пропавшей картошки

С детства главный акушинский бренд на махачкалинском базаре — это картошка. И сейчас, когда подходишь к картофельным рядам, все наперебой уверяют, что они коренные акушинцы, и что своими руками выкопали это сокровище для тебя из акушинской земли. И первый «культурный» шок — картошки мы в районе вообще не увидели, а на немногочисленных огородах зеленела капуста. Оказалось, картофель на продажу здесь уже не выращивают. Единственный семеновод района **Магомедзагир Магомедов** объяснил этот парадокс.

Акуша всегда славилась картошкой, капустой славились Леваши, но потихоньку дешёвый российский картофель вытеснил наш, он перестал окупаться. Перешли на капусту, потому что она востребована и урожайность намного лучше, — её из России не привозят, наоборот. Прибыль год на год не приходится, несколько лет приходилось даже выбрасывать часть урожая, но в прошлом и позапрошлом году цена выросла, и стало снова выгодно выращивать именно капусту.

Вначале мы пользовались местными семенами, которые остались нам от дедов, но у них урожайность низкая, 20–30 тонн с гектара. Поэтому, когда я услышал, что в России появились голландские семена, написал им, что хочу стать их дилером. Представители **Vejo** и **Seminis** приехали сюда, посмотрели наш регион, познакомились со мной, и уже 10 лет я работаю как их дилер, распространяю семена — их урожайность в 5 раз выше.

В 2012-м ко мне приехал голландец из **Vejo** и спрашивает: где брокколи? Я тогда впервые услышал это название. Он объяснил, что вся Европа сейчас только брокколи употребляет, белокочанную почти не выращивают. Я изучил этот вопрос, узнал, что по полезности брокколи входит в первую десятку продуктов, посадил на следующий год; и от меня брокколи разошлась по всему району, но её акушинцы выращивают только для себя, не на продажу. Хотя брокколи выгоднее — килограмм 200–300 рублей, но она очень капризная культура, ухода много.

У меня несколько лет назад было фермерское хозяйство, но я его закрыл. Сейчас в райо-

не нет ни одного фермера по растениеводству. Потому что у меня своих всего 50 соток земли, остальное арендую, плачу за землю. Сельское хозяйство непредсказуемое, иногда даже эту арендную плату оправдать не получается, и толку нет. 10 лет у меня было фермерское хозяйство, ни копейки не получил, пытался взять кредит — не дали, пытался получить грант — не дали, сами знаете почему. И комитет по предпринимательству, и Минсельхоз, и банки — никто ничего не дал. Государство выделяет большие деньги на поддержку сельского хозяйства, но использует их совершенно нерационально. Гораздо больше будет пользы и в смысле продуктов и обеспеченности рабочими местами, если начнут поддерживать мелких фермеров. Почему агрохолдингам выделяют сотни миллионов, а я даже 100 тысяч получить не могу?

Я был в Голландии у фермера. Его двор забит прекрасной техникой, спрашиваю: откуда? Он рассказал, что государство ему выдало субсидии 2 миллиона евро, но и то жаловался, что год потратил на сбор документов. Там фермеры заранее знают, сколько они получают, ещё до сбора урожая заключают договора с посреднической конторой. И цены там регулируются и сроки. Голландцы спрашивали, почему вы плугом пользуетесь, это устарело почти на век, гораздо эффективнее пользоваться разрыхлителем. Но на что его купить? С нашими маленькими участками единственный выход — это кооперация. Но она невозможна с акушинцами — каждый

хочет быть председателем. Я предлагаю безработному сельчанину хорошую зарплату, но не хотят они трудиться на другого, предпочитают на себя — с намного меньшими доходами. Государство могло бы разъяснять плюсы кооперации и материально стимулировать.

Башни древние и новые

В районе — новый вид заработка: несколько раз в неделю приезжают туристы. В основном это сами дагестанцы и россияне, но цветущая Акуша интересна и путешественникам из далёких стран. Только за последний месяц здесь побывали американцы, итальянцы, японцы, китайцы. Есть несколько точек, попавших в туристические маршруты — хапшиминские водопады, Балхар, природный памятник «Нос» в Курки, зимой Чиндирчero, много уникальных исторических памятников.

Недалеко от райцентра обнаружена стоянка людей каменного века, в селении Муги осталась сторожевая башня, одна из цепи

башен XVI века. Понятно, что все древности охраняются государством и недоступны для посетителей. А туристам ведь интересно посмотреть и пощупать старину. Поэтому коренные мугинцы — супруги **Ахмед Курбанов** и **Муслимат Магомедова**, решили построить свою башню. На окраине села Муги возвышается шестиэтажная башня, очень похожая на старинную, только приблизившись к ней, понимаешь, что это новодел. У ворот лежат древние орудия труда — деревянные соха, плуг, борона. Внутри комната со старинной тахтой, редкой красоты резным ларем, посудой и коврами — типичный дом горца XIX века. Это один из инвестпроектов района — «Мугинское подворье», на средства районного бюджета к стройке подвели электричество, газ, дорогу.

Муслимат Магомедова рассказывает:

Мы были учителями, потом долго работали в Москве и решили построить что-то своё. Фабрики-заводы не потянем, но почему не быть «Мугинскому подворью»? Строимся уже пять лет — только на средства семьи и два мугинца-инвестора немного помогают. Хотим сделать здесь этноотель, верхние этажи обставим как акушинскую саклю. У горцев

в комнате были деревянный топчан с резными узорами, ковры, подушки, много посуды. Я всегда копила старину, многое, что здесь есть, досталось от родителей — всё лежало у нас в прихожей, я не могла с этим расстаться, потому что бабушка и мама ими дорожили. Даргинское платье на манекене из изумительного малинового шёлка носила по праздникам моя бабушка, досталось от неё и много серебряных украшений.

На моей памяти этой утварью уже не пользовались. Мы восстановили орудия труда: ковровый станок, чесалка для шерсти, прялка — чтобы показать и мужской, и женский труд. Кормить туристов мы планируем только национальной кухней: фасолевым и гороховый супы, овощные блюда, травяные чуду, хинкал. Это будет неизвестная людям экзотическая еда, потому что через еду больше всего чувствуешь душу народа. В марте к нам приезжал министр туризма РД Расул Ибрагимов и обещал, что нас включат в туристические маршруты Дагестана.

Одно из самых старых и известных сёл района — это Гапшима. Учитель-краевед Курбанмагомед Гаджиев ведёт нас к главной достопримечательности — мечети, где по узкой винтовой лестнице можно подняться на минарет и полюбоваться изумительным пейзажем.

Тамерлан в 1396-м разрушил много сёл Акуша-Дарго, в том числе крупный город Усиша. Остатки усишинских селений объединились и построили новое село Гапшима (с дарг. — три селения), здесь до сих пор сохранились крепость и башни XV века. Гапшिमинскую мечеть построили в XV веке. Когда село стало больше, в XVIII веке мечеть расширили, архитектор

был лакец, а строили армяне-христиане. На территории Гапшима есть сероводородные источники, в советские времена была лечебница, больные принимали ванны. Сейчас лечебница разрушена, и люди в канистрах увозят воду, пытаются лечиться. Один из родников на территории мечети, внутри есть бассейн. Есть инвестор, желающий возродить мечеть, сейчас ему оформляют документы.

Есть в Гапшима и мастерица по кайтагской вышивке — прогремевшей в мире своей древностью, красотой и уникальностью в последние годы. Более того, гапшиминцы утверждают, что это даргинская вышивка, а кайтагцы просто первыми приватизировали

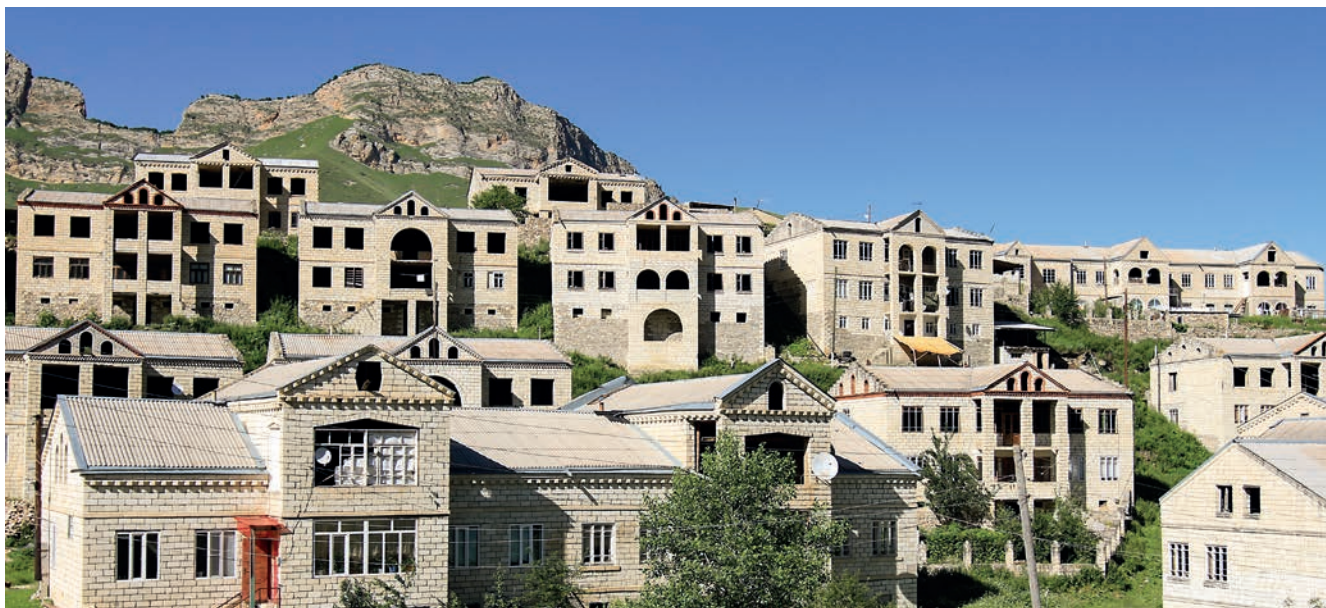
бренд. Гапсат Абасова — учительница начальных классов, раскладывает перед нами свои искусные разноцветные вышивки.

У нас в селе не осталось старинных вышивок, но в детстве я их видела. Я сама научилась такой вышивке. Здесь много элементов от христианства и язычества, мой любимый орна-

мент: драконы и солнце. Вышивки передавали по наследству по женской линии и использовали в самых торжественных случаях: когда ребёнка первый раз показывают, невесте украшения в них заворачивают. Я — единственная вышивальщица в Гапшуме, на одну вышивку уходит 2–3 месяца, если работать по несколько часов каждый день, за вышивку можно выручить 15–25 тысяч. Моя дочка очень хорошо вышивает, думает открыть кружок в Гапшуме. Если ей дадут ставку в нашей школе — есть девочки, которые хотят научиться.

Балхар: древний промысел для новой экономики

Было бы странно побывать в Акушинском районе и не заехать в Балхар — небольшой лакский анклав из 4 маленьких, но широко известных сёл. По дороге нашим глазам открылось необычное для горного Дагестана зрелище — посёлок из красивых однотипных особняков итальянского типа. Издали мы любовались, когда подъехали ближе, увидели, что всё печальней. Почему-то все улицы этого романтического посёлка пусты: нет ни людей, ни домашних животных, половина окон особняков заколочены или зияют дырами. Оказалось, это село Шукты, именно здесь проводил свой экономический эксперимент знаменитый Магомед Чартаев. И вроде бы всё шло прекрасно, но, когда Чартаев 18 лет назад умер, жизнь в селе остановилась. Даже окна вставить в готовых домах за столько лет не удосужились. Почему, чья это ошибка: Чартаева или его последователей?

Балхар — аул гончаров. Как и в большинстве древних центров ремёсел, здесь почти не осталось мастеров. Балхарская технология уникальная, здесь лепят не из куска глины, как обычно, а делают жгуты из глины, которые насаживают друг на друга. **Зарема Ибрагимова** опытный мастер, учит лепить других. И считает, что сейчас у древнего промысла появились новые перспективы.

Я жила в Ставропольском крае, но корни у меня отсюда. Как-то приехала в гости к тётке, потом вышла тут замуж и осталась на всю жизнь. Лепить научилась здесь, на заводе, у Хадижат Леветовой, моя тётка была уборщицей. На заводе 20 мастериц работали и нормально зарабатывали. Сейчас завод — это четыре женщины, две дома и я. На весь Балхар 7 мастериц — все предпенсионного и пенсионного возраста.

Мастерство приходит с опытом: чем больше делаешь, тем лучше получается. Какое-то время нашу посуду почти перестали покупать, а сейчас в моду вошла экологическая посуда из природных материалов и красок. Основную глину мы берём из болота, недалеко

от села. Женщины сами её добывают: сначала снимается верхний слой чернозёма, толщиной с метр, потом идёт нужный слой глины — тут требуется аккуратность. Расписываем изделия глиной красного и белого цвета, их тоже добывают в Балхаре.

Если посуда есть, продать всегда можно: ездим на выставки, праздники, сдаём в махачкалинские магазины. Неплохо её берут туристы, но с туристами мы даже больше зарабатываем — на том, что они смотрят, как я делаю кувшин, иногда пробуют сделать сами. Такие мастер-классы летом проводим несколько раз в неделю.

Конечно, пробуем сохранить наше искусство. Я учу в школе всех балхарских детей лепить посуду, уроки труда сейчас перевели на уроки керамики. И у девочек есть интерес, и даже у мальчиков. Ещё когда работали наши бабушки, они говорили, на посуде не разбогатеешь, но и с голоду не умрёшь. У меня трое детей, старшая дочь умеет лепить, но работает бухгалтером в Махачкале. На днях дочь с сестрой взяли помещение в аренду, купили гончарные круги и будут в Махачкале учить балхарскому ремеслу детей и взрослых — лепка керамики сейчас популярна во всём мире.

На прощание директор цеха подарил мне глиняный кувшин и кружку. И оказалось, что вода в них действительно неожиданно прохладная и свежая — даже в махачкалинскую жару.

Два мира медицины — наглядное пособие

На большой Акушинский район — всего одна поликлиника. Маленькое одноэтажное здание на медицинское учреждение совсем не похоже. Внутри в узком коридоре сидят толпы людей, в маленьких кабинетах ещё теснее: несколько врачей, медсестёр, пациентов одновременно.

Мы своими силами недавно сделали косметический ремонт, но в дождь продолжает течь крыша, нет нормальной проводки. Мы обслуживаем 60 тысяч человек, а у нас всего 27 кабинетов, работает 312 человек, из них 78 врачей, в кабинете одновременно принимают 3–4 врача, пациенты стесняются рассказывать о своих болезнях перед целой толпой, — сетует заведующая поликлиникой Аминат Магомедова.

Привлечь в Акушинский район молодых врачей помогает программа «Земский доктор». Впрочем врач-инфекционист **Шамиль Магомедов** свой миллион уже давно получил:

Я по происхождению акушинец, вырос и учился в Ростовской области. Приехал из-за программы в 2013 году, должен был отработать 5 лет, но пока решил остаться. Ощутимая польза от программы есть: в поликлинике

и больнице по ней работают несколько человек, но хотелось бы, чтобы условия для работы были получше.

Есть в Акушинском районе и ещё одно, отличное от первого, медицинское учреждение. В прошлом году в Муги был открыт медицинский центр — единственное частное медучреждение в горной зоне Дагестана. Это ещё один из инвестпроектов, под который район выделил землю с дорогой, электричеством и газом. А потом семья Абдуллаевых на свои средства построила и оборудовала современную клинику. Разница с госучреж-

дениями, конечно, разительная. Директор клиники **Гасангусейн Абдуллаев** раньше руководил терапевтическим отделением районной больницы, и, собственно, недовольство уровнем государственной медицины и заставило его открыть клинику, оборудованную по современным стандартам.

В поликлинике всё переполнено, многие женщины стесняются идти и говорить с врачом при посторонних. У нас вся семья медики: брат

Осман — зав. хирургическим отделением больницы, у всех жены, дети — врачи. У старшего сына свой медицинский центр в Каспийске, на выходные он приезжает сюда и принимает пациентов, приезжают врачи из Махачкалы — детский травматолог, окулист. Здесь работают специалисты высокой квалификации, прекрасное оборудование: УЗИ 4D — очень дорогое, но необходимое, такое есть не в каждом районе. Поэтому у нас много пациентов и из соседних районов. Тяжело найти хорошего врача, ведь все хотят жить в городах, а я хочу помочь, в первую очередь, нашим женщинам. Смотрите: в Акушинском районе из всех видов онкологии на первом месте рак молочной железы и шейки матки, поэтому мы купили дорогой аппарат ЭХВЧ.

Хотели, чтобы ФОМС нас профинансировал, подали все документы, но они в этом году дали деньги всего двум частным клиникам в Дагестане. Обещают в следующем году, сейчас опять готовим бумаги. У нас цены намного ниже, чем в Махачкале. В стационаре 10 дней стоят всего полторы тысячи, приём врача — 500 рублей, капельницу поставить — 150 рублей. Пациентов достаточно, хотя и такие цены для нашей местности не всем по карману. Вот аптеку открыл, а то ближайшая аптека в Акуша. Люди довольны, к тому же у нас прямые поставки из Астрахани — без подделок и дешевле.

У нас самая современная лаборатория «Мелдоник», как в клинике Аскерханова, — 24 показателя, биохимия, скоро начнём на гормоны проверять. Проводим коагулограмму, а то до открытия нашей клиники больным приходилось за ней ездить в Махачкалу, а у нас за 150 рублей делают.

Новый глава, новые интеллектуалы

Знакомство с новым главой района у нас состоялось на праздничном мероприятии:

Махач Абдулкеримов вручал золотые медали восьми выпускникам школ района. Девушки, единственный парень и их родители были взволнованы и полны планов, которые оказались одинаковыми — самые умные акушинские выпускники собираются быть только врачами.

Для главы общаться со школьниками — привычное дело, он 9 лет был директором Акушинской ДЮСШ, главой района выбран совсем недавно, в марте.

Когда объявили выборы, ко мне подходили многие — молодые, взрослые, уговаривали выставить свою кандидатуру. Я думал, вряд ли получится: мне всего 37 лет. Было 16 кандидатов, по итогам тестов отобрали четверых, после собеседования оставили двоих. В итоге депутаты районного собрания отдали мне 42 голоса, оппоненту — 14. Доверие оказано огромное, постараюсь оправдать.

У меня корни из Акуша, хотя родился в Махачкале. Родители учителя, правда, отец был и вторым секретарём райкома партии, начальником управления культуры района, ушел, когда меня избрали — конфликт интересов.

В 2010 году меня пригласили поработать здесь директором детско-юношеской спортивной школы. Из-за травмы рано пришлось бросить спорт, поэтому перешёл на тренерскую

работу. Конёк — восточные единоборства, подготовил из двух младших братьев Абдулкеримовых, Арсена и Шамиля, чемпионов мира. В Акушинском районе популярен спорт.

Целей у меня много. У нас много сёл, где проблемы с водой, газ подвели только до райцентра, поэтому, в первую очередь, я должен обеспечить людям нормальную жизнь — с водопроводом и газом. Мы работаем, чтобы не было оттока населения на равнину, иначе мы народ не сохраним. Когда элементарных условий нет, кто будет в наше время здесь жить?

Вы видели, у нас поликлиника в очень плохом состоянии. Охват дошкольным образованием — 8,5%, самый низкий в республике. Был у министра образования, подавали документы на строительство детсадов в трёх сёлах, а обещают только в одном, в Бургимакмахи. У них сведения странные, что в нашем райцентре всего 194 дошкольника. По данным нашего отдела образования — 1194. На весь райцентр один детсад на 80 мест, а живёт в Акуша 15 тысяч человек, в прошлом году 381 ребёнок родился.

Только одна школа типовая, остальные все старые. Дубримахи — большое село, садика нет, газа нет, школа в таком состоянии, что ремонтировать смысла нет. Документы на строительство подали, ждём.

Мы хотим развивать экономику через сельское хозяйство — заводы и фабрики здесь незачем строить. В Левашиинском районе более 400 тепличных хозяйств, у нас ни одного, хотя климат лучше — больше 300 солнечных дней в

году. Вроде бы нашли инвестора на теплицу более 3 га, есть 50 га ровной земли для теплицы в селении Муги. У нас народ предприимчивый, но осторожный, а когда один построит и прибыль получит, то и другие в стороне не останутся.

А так, в каком состоянии сельское хозяйство района, я пока не могу сказать. Надо провести актуализацию, очень много приписок. По бумагам много садов, но я их не вижу, сейчас проводим проверку. Раньше славилась акушинская картошка, сейчас перестали сажать — на капусту перешли. Животноводством многие занимаются, поскольку Иран закупает баранину. Какая господдержка идёт нашим фермерам, узнаем, будем выяснять реальные цифры, кому приходила помощь. Безработица в районе есть, с дальних сёл уезжают, но райцентр растёт каждый год. Потому и условия нужно создавать, чтобы люди не уезжали.

Здесь горы, солнечный и при этом мягкий климат сочетаются с лугами, где изумрудная трава выше пояса, с яркими необычными цветами, много ручьёв, рек, озёр. Именно здесь найдены самые древние поселения людей в Дагестане. При этом люди интеллигентные, очень ценится образование. Наверное, району не хватает стимула, чтобы эффективнее использовать дары природы. Молодой, инициативный глава, судя по всему, намерен постараться, чтобы Акуша-Дарго опять занял подобающее ему место.

Наида Хаспулатова

КАДРЫ РЕШАЮТ. И ЧТО?

СХалилом Халиловым мы познакомились 15 лет назад. Я была корреспондентом ГТРК «Дагестан», он пришёл с новым руководителем компании в качестве первого заместителя. Эфиром полностью занимался Халилов. Именно он руководил запуском новой информационной программы «Вести «Дагестан». В итоге успешно перестроил дагестанский эфир на современный лад не журналист, а профессиональный экономист.

А до того была служба в Минэкономике, где молодому специалисту премьер Мирзабеков предложил разработать налоговую систему Дагестана. Ему же пришлось подсчитывать убытки, которые несла республика из-за территориальной блокады, выбивать субсидии в Москве...

Потом пытался спасти радиозавод...

Несколько месяцев назад Халил выиграл конкурс на включение в кадровый резерв должностей госслужбы в Администрации Главы и Правительства РД. Прекрасная новость — эффективных и квалифицированных управленцев катастрофически не хватает...

— Халил Шарипович, вы включены в кадровый резерв для замещения высшей группы вакантных должностей в Администрации Главы и Правительства РД. Какую должность вам предложили?

— Никакую. За четыре месяца никто так и не встретился с кандидатами. Хотя было четыре очень сложных этапа, в категории на

высшие госдолжности прошли 27 человек. Грамотные ребята с серьёзным потенциалом. А говорят, нет специалистов.

По закону при назначении первыми должны рассматриваться люди из резерва. А нас полностью проигнорировали. Назначают только победителей конкурса «Мой Дагестан».

О том, что такое команда

— Управлять коллективом очень сложно, однако среди назначенцев из «МД» есть люди, которые ни одним подчинённым в жизни не управляли, а среди нас есть те, кто успешно управлял большими коллективами в кризисные годы. Мне казалось, нам надо работать на одну цель: сделать Дагестан самодостаточным...

— **У нас постоянно меняются руководители республики, министерств, городов и районов, а с экономикой всё хуже. Почему так?**

— Хорошо, что нам отправили такого человека, как Владимир Васильев, потому что коррупция разъедает всё. Казалось бы, всё зло выдвинуто, но... Ничего не построено, ничего не появилось, как в других регионах. Потому что, как бы он ни пытался наладить процесс формирования команды управленцев... В общем, Васильев часто находит людей не той квалификации, ключевые посты остаются за людьми из старой команды.

О первопричине наших бед

— **Как вообще вышло, что Дагестан стал одним из самых бедных российских регионов?**

— Дагестан больше всех пострадал от первой и второй чеченской войны. Не считая Чечни, конечно. Мы находились в транспортной блокаде:

полная изоляция от внешнего мира, триллионные убытки. Дагестан к 90-м годам был региональным донором с развитым уровнем промышленности, аграрного производства, туризма, но в силу негативных процессов в Чечне скатился до глубоко депрессивного уровня.

При этом наша республика так и не получила от федерального центра ничего для восстановления экономического потенциала. Соседям, чеченцам и ингушам, прописали федеральную целевую программу. Например, «Восстановление и развитие экономики Чечни», где были заложены огромные финансовые средства. Такую же программу получила Ингушетия. Дагестан оказался на обочине, хотя именно у нас располагаются объекты военно-промышленного комплекса.

— **В отличие от Чечни, у нас ничего не было разрушено. Прошло 20 лет, почему экономика не восстановилась?**

— Экономика сама изменилась. Каждый кризис сродни войне. Кроме того, 70 процентов дагестанской промышленности работало на ВПК. Я тогда был зам. гендиректора на радиозаводе, где в лучшие времена работало 5 тысяч человек. В цехах такое ощущение, что туда попала ядерная бомба. В такой ситуации необходима помощь государства в переориентации производства, создании новых точек роста. Республика всегда чувствовала недостаток собственных

средств. Мы с 2011 года пытались продать целевую федеральную программу по восстановлению экономики РД, но безуспешно: нас профинансировали на одном уровне со всеми остальными «мирными кавказцами». Хотя, например, в Карачаево-Черкесии жителей в шесть раз меньше.

Об образцах для подражания

— Возможно, поэтому многие в Дагестане хотят такого руководителя республики, как Кадыров. Энергичного, brutального. Говорят, он заботится о людях и республике. Вы с этим согласны?

— Не согласен. Мы не ставим федеральный центр перед выбором: платите или будем воевать. У дагестанцев российской идентичности гораздо больше, и наша поддержка России успокоила федеральную власть. Но федеральные власти пока не восстановили Дагестан, единственное, что их интересовало, это лояльность руководства.

У нас есть дотации, но нет самостоятельности. Не нужно изобретать велосипед. Мы можем выбрать самые успешные страны и регионы в качестве образца, который подходит для Дагестана с учётом природно-климатических условий и трудовых ресурсов, эмулировать в Дагестан положительный опыт.

Так сделала Калужская область. Калужское экономическое чудо состоялось, хотя губернатор Артамонов ничего не придумал, а просто скопировал опыт успешных стран. Почему одни страны богатые, другие бедные? Потому что в богатых странах используется, прежде всего, человеческий капитал, знания. Оттуда идут инновации и инвестиции. Мы учим детей в детсадах, школах, вузах, но где тот посыл, куда развиваться? Где компании, которые говорят: нам нужны инженеры или автосборщики?

О человеческом капитале и ценности знаний

Богатыми мы станем только когда начнём производить что-то своё, это аксиома. Причём производить продукт с использованием наших знаний, знания должны входить в добавленную стоимость. Знания американских инженеров заложены и тиражируются во всех айфонах мира.

И пока мы не научимся создавать «умственный» продукт, оцененный миром, мы из бедности не выберемся.

— Но США — флагман научно-технического прогресса, и с ними соревноваться бессмысленно.

— Почему же? Недавно российский программист написал программу FaceApp и за несколько дней заработал миллионы долларов,

есть и другие примеры. Современный мир не разделён по странам и не ограничен границами, человек может сидеть в горах и работать с Майкрософт. Индийцы удачно вошли в IT-рынок, зарабатывают и российские программисты.

Чтобы сегодня что-то создавать, не нужно сразу строить огромные заводы. Стив Джобс и Билл Гейтс начинали в гаражах с инновационных решений, только потом возникали огромные компании. Нужны стартапы.

Мы всегда должны оценивать, насколько успешно развиваемся. По параметрам Агентства стратегических инициатив, рейтинг инвестиционной привлекательности Дагестана на 56 месте. Зато инвестиционный потенциал у нас высокий, в первой двадцатке российских регионов.

— Получается, что за счёт традиционных отраслей подняться невозможно. Нужно ждать талантливого изобретателя?

— Если мы хотим стать богатым регионом, у нас должна быть цель. Не будем себя обманывать — человеческий капитал, что мы готовим в школах, вузах, за исключением редких самородков, явно не отвечает современным вызовам. Мы говорим: снижается коррупция, административных барьеров меньше, в земельных делах и имущественных отношениях наводится порядок. Так почему же нет частных инвестиций? Почему?

Об инвестициях

Инвестиции приходят туда, где подготовлена почва. И они не придут туда, где надо годами налаживать связи, согласовывать возможность присоединения к энергетическим и другим сетям. Один российский губернатор настолько наладил эту систему, что инвестору, который хочет запустить производство в его регионе, потребуется всего 10 минут. Примерно за это время он получает производственную площадку и условия присоединения к сетям.

А что наблюдаем у нас? В Дагестане за инвестиции отвечают Минэкономки, агентство по инвестициям и предпринимательству, институт развития. Вы нашли у них на сайтах список инвестплощадок, где можно просто кликнуть, получить всю информацию и поговорить с менеджером? Нет таких — мы не знаем, где есть

площадки, насколько они подготовлены. Говорят, готовятся инвестиционные парки «Аврора», «Уйташ». Но и по ним нет конкретной информации в свободном доступе.

В Дагестане много пустующих земель разного целевого назначения, с разной степенью готовности инфраструктуры. Можно было бы в каждом районе сформировать свободные участки, сказать: «Недалеко электролинии, газопровод. Хотите работать — пишите заявку, вот вам завтра площадка, послезавтра сети. Работайте!». Но нет такого, нет прозрачности.

О коррупции

— **Абдулатипов и Васильев начали борьбу с коррупцией в Дагестане, по «экономическим» статьям посажено и находится под следствием множество высокопоставленных и не очень чиновников. Стало ли коррупции в Дагестане меньше?**

— По моим ощущениям, коррупции стало больше, потому что альтернативы ей так и не предложили. Люди перестают воровать, когда есть работа. Если есть заводы, я и все родственники получим работу, налоги в район пойдут. Когда ничего этого нет, а все хотят жить нормально, остаётся рисковать. Страхом наказания коррупцию не побороть, а её вертикаль не замыкается на Дагестане.

Но с коррупцией всё равно надо бороться. Если от инвестора требуют взятку, чтобы дать разрешение на подключение, он не придёт. Один губернатор сам мне показывал карту в компьютере, где по каждому клочку земли у него выдавалась урожайность и плодородность. Нашу жизнь перевели на цифру, значит, нужно оцифровать каждый земельный участок и выставить многослойную карту на сайте в открытом доступе, показывать инвесторам. Не нужно ездить на форумы, показывать одни и те же проекты одним и тем же людям, зря тратить деньги на фуршеты.

Много лет как открыты международные границы. Я часто спрашиваю у отвечающих за развитие экономики здесь: есть хоть один успешный проект с участием иностранного инвестора в Дагестане? Ни одного. А он бы очень нам помог. В Калужскую область пришёл Фольксваген, построил завод, другие увидели и тоже подтянулись.

У нас даже есть закон о гарантиях иностранным инвесторам — проект я лично составлял. Очень многие приезжают, но инвестор не хочет сталкиваться ни с какими бюрократами — им нужны подготовленные площадки, прозрачные условия и гарантии. А у нас каждый клочок земли с проблемами.

— **Но многие колхозы раздали землю маленькими паями. Вся земля кому-нибудь принадлежит, и, если отнимать, начнутся волнения.**

— Есть республиканская земля, можно и федеральные земли использовать. А для местных землевладельцев есть одно простое решение, и оно во власти региональных парламентов: земля, которая пустует, облагается налогом по повышенной ставке. Обрабатываемая земля освобождается от налога или даже получает земельный налог, который платят бездельники. Точка. И очень быстро латифундисты начнут распродавать земли.

Трёхмиллионная республика осталась практически без банков. Без банков не может быть экономики. Отсюда мизерный объём кредитования, а корпоративного кредитования фактически нет. Банков-«прачечных» у нас было много, но меня удивляет, что в совсем маленьких Северной Осетии или Карачаево-Черкесии объём кредитования экономики выше.

У нас одинаковый ВРП со Ставропольским краем, но у них 330 миллиардов рублей кредитов, у нас в 10 раз меньше.

О перспективах для молодежи

— **Меняются ли молодые дагестанцы, и как это влияет на качество человеческого капитала?**

— Нашему поколению легче было определиться. Сейчас, если посмотреть на рынок предложений, молодёжь не находит желаемого ни по уровню оплаты, ни по квалификационным требованиям. Нет у нас больших компаний, квалифицированных рабочих мест, нет стимула развиваться. Что, идти на поля? Формируется душевная пустота, планы и надежды молодёжи разрушаются на глазах у взрослых. Многие заполняют эту пустоту религией, что вроде неплохо: меньше алкоголя, наркотиков, спортом занимаются. Но, слишком сильно уходя в религию, они теряют связь

со временем. Стимулов, ориентиров, серьёзных лифтов для них нет, отсюда безысходность и отчуждённость. Их родили — и ничего не предложили, не показали, что общество в них нуждается.

— **А ваш сын не хочет уехать из Дагестана?**

— Он окончил ДМА, интернатуру — в Санкт-Петербурге, ординатуру — в Москве, хотел там остаться. Но он у нас единственный сын, и я попросил его вернуться. За день работы стоматологом зарабатывает 300–400 рублей. Говорит, что напрасно учился восемь лет: таксуя, люди без образования больше зарабатывают. Сейчас я ему предлагаю вернуться в Москву.

Но в предпринимательской среде очень много амбициозной молодёжи, которая двигается вперёд, делает мощные проекты. В Москве в любой клинике полно дагестанских врачей, большинство на хорошем счету, много инженеров, программистов. Моя племянница в 27 лет защитила в Голландии докторскую диссертацию на голландском языке, сейчас её пригласили возглавить отдел в Институте языка Академии наук в Москве.

— **Почему много успешных дагестанцев за пределами республики, а не в её границах?**

— Потому что перед правительством нет такой задачи. Ведь нет такого: год прошёл, а инвестиций и роста доходов у населения нет — меняем всю команду. «Господа, у вас не получается, уходите». А у нас все сидят, как сидели.

Ни одно государство не стало процветающим, не имея успешных и богатых компаний и состоятельных и успешных граждан. Потому что за ними — крупные налоги и инвестиции. Поэтому социалистическая экономика так нигде и не состоялась. Китай смог умно перейти к капитализму, апробируя методы в свободных экономических зонах. Он борется за инвестиции, понимая, что без этого богатыми не стать.

О госкорпорациях и конкуренции

Государствам нужно всегда поддерживать всё, что имеет шанс на международную реализацию, поддерживать прибыльных, а не банкротов. У нас субсидии выделяют всем, а нужно, чтобы богатые мощные компании создавали вокруг себя центры производства и прибыли.

— **Но огромные компании в России богатеют, а малый и средний бизнес уничтожают. Как вы к этому относитесь?**

— Отрицательно. Более половины всей экономики России принадлежит госкорпорациям. Конкуренция из-за этого уничтожается, то, что должно было создаваться внизу, не развивается. В Дагестане есть два примера неэффективной работы: «Корпорация развития Северного Кавказа» и «Курорты Северного Кавказа». Выделены миллиарды, а эффекта никакого, точнее — он отрицательный.

Изоляция России от внешнего мира — не определяющий фактор нашей стагнации. Главный фактор — коррупция, неэффективность развития органов власти и банковского сектора. Нам говорят: а что плохого в том, что консолидировали все нефтяные активы в Роснефти? Она же платит миллиардные налоги... Поймите, в истории нет такого примера, чтобы государство всё держало под своим крылом. Без конкуренции нет развития.

Понятно, есть инфраструктурные и социальные проекты. Но коммерческие проекты без участия частного бизнеса не будут успешны, мы это проходили.

В Дагестане с инвестициями очень плохо. Налоговая система так устроена, что, если построит завод на территории района, муниципалитету идут только налоги на землю, имущество и часть НДС. Надо так изменить налоговую систему, чтобы каждое построенное предприятие давало прямую выгоду муниципалитету — республика могла бы оставить муниципалам и НДС, и налог на прибыль, тогда они всё сделают для притока инвестиций.

О сложности рынка рекламы

— **Вы сейчас владелец рекламного бизнеса. Это прибыльная отрасль?**

— Я, когда пришёл на телевидение, параллельно открыл рекламный бизнес. Мы размещаем дагестанскую рекламу на федеральных каналах, которые транслируются на территории республики. Вначале была хорошая прибыль. Но в Дагестане большой кризис, закрывается много компаний, торговых объектов. Депрессивность экономики на всё накладывает отпечаток. Денег у населения мало, за последний год оптовая

торговля упала на 75 миллиардов рублей, люди начали экономить на продуктах. Раньше нашими активными клиентами были «Магнус», «Киргу», «Эльстар». Сейчас они переживают непростые времена, говорят, что еле собирают деньги на зарплаты сотрудников. Один из самых крупных рекламодателей — фирма «АС» — рад, если какой-то проект выходит на точку безубыточности.

Рекламодатели подбирают разные инструменты и носители рекламы: интернет, «наружка», «разноска». Телевидение было, есть и остаётся самым массовым носителем, к тому же зритель ТВ не потеряет никогда. Многие начинают пересматривать своё решение, предприниматели хотят, чтобы была прибыль на каждый вложенный рубль. Много серьёзных фирм приносят свой рекламный бюджет на телевидение.

Последний рекламодатель — торговый дом «Арбат». У них есть своя аналитика, насколько после рекламной кампании увеличивается количество клиентов и дополнительной прибыли. И они считают работу с нашим агентством эффективной. Был конкурс на мониторинг в определённых ведущих СМИ Чубайса, моё агентство его выиграло, но многие московские фирмы несерьёзно относятся к кавказским фирмам — и просто аннулировали результаты. А ведь многие тендеры в Дагестане выигрывают российские компании. Так что дискриминация существует и нужно мониторить, чтобы интересы дагестанских фирм не ущемлялись за пределами региона.

О гражданском обществе и цели в жизни

Когда нужно заработать, я думаю, куда я могу себя предложить: консалтинг, аналитики, закупка, госуслуги. Сейчас открываю некоммерческую организацию «Центр экономических стратегий анализа и перспектив». Думаю, если поставлю учредителем москвича, все будут относиться серьёзно, но налоги пойдут в Москву. У нас проводили стратегические сессии под покровительством правительства. Я считаю, что стратегии и методы развития экономики должно предлагать не только правительство, но и активные граждане. Это необходимо для формирования гражданского общества.

— **Вы ещё верите, что в России будет гражданское общество?**

— Верю, в Дагестане зарегистрировано несколько тысяч организаций НКО. Большинство — бездействующие, но примерно 100 из них работают, делают очень интересные, мощные проекты.

— **Чего бы вы ещё хотели достичь в жизни?**

— Детей я выучил, крышу над головой им обеспечил. Я надеюсь построить хороший дом в горах с большой библиотекой, буду слушать журчание горных речек и жить в гармонии. Удалённость от городов не значит, что я не смогу зарабатывать. Интернет есть везде: даже находясь в дремучей глухомани, я смогу найти доходные проекты. Лес и книги — идеальная гармония, в этой светливой и беспорядочной жизни мы очень много утратили. Надо успокоиться и наслаждаться жизнью.

Борис Войцеховский

Как Надя Фролова, учительница из Ржева, переехала жить в Цумадинский район, и что из этого получилось.

В АГВАЛИ НА ПМЖ

Надежда Фролова слегка переживает. «Мусульманка, — говорит она, — должна быть скромной и незаметной, а вы тут у меня интервью брать собрались». Однако же поправляет хиджаб, расправляет длинное платье, садится на лавочку и, улыбаясь от уха до уха, начинает рассказывать о том, как судьба, надежды и наивность привели её, простую учительницу английского из Ржева, в Цумадинский район, где она планирует учить школьников, а пока на спортбазе Абдулманапа Нурмагомедова старается разговорить борцов. «Я учу их английскому языку, чтобы, участвуя в пресс-конференциях, они не опозорились. Стараются ли? Не все. Но те, кто мечтает стать чемпионом, — очень», — делится впечатлениями Надежда. Она кажется немного наивной, немного блаженной, немного не от мира сего.

Её поступки выглядят странно и нелогично. Мы договариваемся встретиться ещё раз через год, чтобы посмотреть, куда заведёт её судьба. А пока пьём травяной чай, жуём сыр, смотрим на скачущих у нас под ногами кроликов и болтаем о том, с чего всё началось.

...Вообще-то я родилась в Башкирии, где и окончила факультет иностранных языков местного пединститута. Потом жила в Москве, следом — в Московской области, а уж затем перебралась в Ржев, где устроилась на работу учителем.

Ржев — это... Не очень там хорошо, мягко говоря. На бумаге, скажем, у тебя зарплата 45 тысяч рублей, а выдают тебе 15. Откроешь рот — и ещё хуже становится. А я рот открывала. Подрабатывала репетиторством — это помогало, но потом вдруг поняла: свободного времени у меня вообще не остаётся, а как без него жить, когда у тебя двое детей? Ещё — наркотики. В Ржеве полно наркоманов! В общем, накопилось разное. Плюс, оказалось, что в Ржеве на 70

тысяч населения ещё и практически нет мусульман, а я как раз приняла ислам. Это в Москве случилось — в мечети на проспекте Мира. Хотела даже имя себе поменять — думала Хадиджей стать. Но мне не дали. Сказали, что Хадидж и без меня много... Так вот. Соответственно, в Ржеве было совершенно непонятно, где молиться, где мясо халяльное покупать, как ходить по улицам в мусульманской одежде, чтобы на тебя все не смотрели, как на какую-то диковину.

Может, вопрос этот и звучит практически интимно, но: с чего вы вообще решили принять ислам? Жених надоумил? Муж?

У меня на тот момент ни жениха, ни мужа не было! Я много лет была православной, в церковь ходила, но, живя в Башкирии, с мусульманами всегда много общалась. Они, впрочем, тут тоже ни при чём, потому что мои подружки-мусульманки были такие... Хорошие, но легкомысленные. Перелом случился в Ржеве: в колледже, где я работала, училось много мальчиков-спортсменов. И всё начало

прошлого сентября я только и слышала, что их разговоры о бое Хабиба и Коннора... Кто это такие? Дай, думаю, посмотрю бой. Посмотрела и такую силу, идущую от Хабиба, почувствовала, что... Короче, оттуда у меня решение стать мусульманкой и пошло. Коран почитала, другую литературу. Раньше-то я думала, что ислам и православие — это религии совершенно противоположные, а оказалось — нет. Только у мусульман вера куда сильнее. В храм ведь кто в основном ходит? Бабушки, которые смерть уже чувствуют и понимают, что пора грехи замаливать, или какие-то несчастные люди. А в мечетях, наоборот, молодёжи полно — такой, знаете, с правильным образом жизни. Ну и — покрылась я.

Интересно, дети ваши по этому поводу что сказали? Посмеялись? Поплакали?

Мой младший, кажется, даже внимания не обратил на мой новый внешний вид. А старший посмотрел-посмотрел и сказал: «Не, я мусульманином не стану!» Но я ж и не настаиваю. Ответила ему тогда: «Посмотри, как у тебя сложится жизнь в Дагестане. Если изменится в лучшую сторону, так тоже мусульманином станешь, думаю». Пока он доволен. Познакомился с Хабибом, с его папой Абдулманапом, в спортлагере которого я пока преподаю.

А ваши «коллеги» по прошлой вере?

Ой, они пока про это не знают. Но, подозреваю, бабушки из церкви меня вряд ли поймут.

Не сомневаюсь. И вот тут как раз и хотелось бы поговорить поподробнее, потому что не каждый же день учительницы из Ржева перебираются в Цумадинский район. Как всё произошло? В очередном приступе прекраснотушия вы купили билет Ржев–Махачкала?

Ну, это совсем уже наивно и глупо. Перед тем как купить билет, я сначала всё разузнала.

Про обычаи, традиции, нравы?

Нет. Про наличие в Дагестане вакансий учителей английского языка. Оказалось, что их аж 77. Мне даже прислали список школ — мол, выбирайте любую. И я выбрала.

Почему именно школу в Агвали?

Попробую объяснить. Во-первых, я очень люблю стихи Расула Гамзатова...

Он родился в Хунзахском районе, а Агвали — райцентр Цумадинского.

Зато он много писал про горы! А, во-вторых, в Цумадинском районе много спортсменов. И Хабиб оттуда, а он — мой кумир. И я подумала: вот он шанс поехать на его родину, а то и увидеться! Я же про него даже стихи сочинила... Я как с Абдулманапом Нурмагомедовым-то познакомилась? В инстаграм он написал про то, что был в Москве на книжной ярмарке, где не увидел достойных книг, представляющих Дагестан. А я ему: «Я написала стихи про ваших бойцов и хочу, чтобы вы и они с ними ознакомились!»

Прислала ему стихи. Он подписался на мою страницу...

Ой, я ж вообще о другом хотела рассказать! Я написала письмо в министерство образования, после чего со мной связалась Барият Мухудадаевна — консультант дагестанского Минобразования, которая и пригласила меня в Агвали, рассказав, что здесь хорошо и безопасно.

Надя... Вы, в принципе, понимаете, что Агвали, где вы планируете учительствовать — это совсем не Ржев и, тем более, не Москва? Что тут своя, так скажем, специфика имеется?

А в чём тут специфика?

В менталитете, образе жизни, понятиях, языке, возможностях, уровне образования для ваших детей... Список продолжить?

Ой, не надо, потому что пока это всё для меня не очень понятно. Пока не начался учебный год, я в Дагестане практически как в отпуске. Природа здесь... да... Мне хорошо, потому что мне все грехи отпустились... А вообще, я думаю, что в Агвали не останусь.

То есть?

Мне сейчас предлагают преподавать уже не в Агвали, а на родине Хабиба — в ауле Сильди.

Там многие дети на русском плохо говорят. Интересно, как вы их английскому научите.

Абдулманап Магомедович мне предлагает там как раз ещё и русский детям подтягивать. К тому же, в Сильди я буду себя чувствовать в совершенной безопасности. Что со мной может случиться в ауле Хабиба?! Хотя, конечно, некоторые меня пугают, что меня там запрут дома в качестве третьей или четвертой жены.

Я как раз хотел вам про это сказать. Вы как, кстати, замуж тут не собираетесь выйти?

Есть такие планы! И то, что муж может заставить меня бросить работу и сидеть дома и рожать детей, меня совершенно не пугает. Я готова! Потому что, если честно, работать ради того, чтобы зарабатывать деньги на пропитание, мне надоело. Хочется, чтобы уже кто-то сказал: «Сиди!»

На примете кто-то есть?

Есть.

Вы себе жениха за три недели успели подобрать, что ли?

Ну... Так... Но я к нему ещё присматриваюсь, хотя в голове у меня образ идеального дагестанского у меня уже есть. Он должен быть: а) успешным, б) спортсменом, в) хорошим человеком, г) способным меня понимать и д) готовым иногда куда-то выезжать — хоть в ту же Москву.

Спортмен — это обязательное условие?

Нравятся мне спортсмены! Осталось, правда, ещё научиться хинкал готовить. Спортсмены-то местные поесть любят — особенно мясо и тесто.

Аварский язык-то учите?

Он, оказывается, такой сложный! Я почему-то думала, что он мелодичный, ближе к французскому, а он таким жёстким оказался. Так что пока туго идёт. Но кое-что я уже могу сказать.

Слушайте... без обид, ладно? Потому что я сейчас вот что вам скажу: принимать ислам, ехать в горы, переезжать в крошечный аул и выходить там замуж — это ваше право и ваш выбор. Но вам не кажется, что это нечестно по отношению к вашим детям? Может, они хотят от жизни совершенно другого?

Чего они хотят? Когда мой сын пришёл домой, отметив окончание восьмого класса,

от него пахло пивом. В Ржеве это нормально. Как и курить в этом возрасте. Там и учителя курят. Как я одна могу всему этому противостоять? А в Сильди такого нет. Да, здесь нет возможности дать детям образование того же уровня, как в Москве, но это только пока, потому что Хабиб привлекает сейчас в своё село большие инвестиции... У меня подружка есть, она фитнес-инструктором работает. Так уже она мне сказала: «Если в ауле всё будет хорошо, зови и меня туда учителем физкультуры!» Почему бы и нет?

Каким вы видите будущее своих детей? Вот если конкретно.

Я хочу, чтобы они выросли здоровыми людьми. И сильными — морально и физически. Я хочу оградить их от наркотиков, сигарет, алкоголя. А информацию и знания при наличии интернета можно получить везде.

Вашему старшему сыну...

... 15 лет. И он будет учиться, и заниматься спортом под руководством Абдулманапа в Махачкале. А жить — в общежитии. Пусть попробует годик, а потом, как окончит 9 класс, будем уже решать: приедет ли он ко мне, останется ли в Махачкале или уедет к бабушке. Но я надеюсь, что он бойцом всё же станет.

Как отнёсся к переезду детей в Дагестан их папа?

Я предупреждала его... Он живёт с другой женщиной, нам вообще никак много лет не помогал, с сыновьями практически не общался, влияния на них никакого не имел, поэтому ни мы, ни он ничего с нашим переездом не потеряли.

Себе вы шанс на отступление оставляете?

Конечно! Пока квартиру в Ржеве я не продаю, а буду сдавать. Но всё равно в моих планах — остаться тут надолго. У меня большие планы. Про выйти замуж я уже сказала. Ещё хочу, используя свои знания английского, проложить в Сильди, так сказать, туристическую тропу, работая с людьми, которые приедут на родину Хабиба. И этим обогатить и Россию, и Дагестан, и себя, и своих детей. В этом я тоже вижу свою миссию...

Фото: Катя Дериглазова

ЭТИКА ЭТНОСА

Продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Наши полевые материалы позволяют говорить об этикетных отношениях: а) за столом в своей семье или в доме близкого родственника; б) в гостях у односельчанина или родственника в собственном селении; в) при коллективных трапезах на ритуально-увеселительных собраниях, вечеринках, посиделках и проч.; г) в гостях, обладая статусом гостя; д) на коллективных общесельских (например, при праздновании дня первой борозды) или носящих характер таковых (например, на свадьбах) совместных трапезах.

Нормы застольного этикета в гостях у друга-односельчанина мало чем отличались от домашних, семейных и в свою очередь зависели от факта присутствия–отсутствия за столом старших по возрасту, духовного лица, почитаемого и уважаемого в селении

человека и др.; несколько менялись поведенческие характеристики свадебного застолья в зависимости от того, на местной свадьбе присутствует человек или в другом селении, у рядового узденя или у представителя ханско-бекского сословия.

И при скоромной семейной трапезе, и при обильном коллективном застолье обязательными были требования общего характера, совокупность которых по местным традициям соответствовала понятию «благородный», «воспитанный». Вот эти требования:

Не набрасываться на еду, есть как бы между прочим, нехотя, спокойно и неторопясь.

Не рассматривать блюда, кушанья, яства на столе, не заглядывать в тарелку рядом или напротив сидящих. Довольствоваться тем, что непосредственно перед тобой.

Есть мелкими порциями, откусывать небольшими кусками; подносить пищу руками ко рту, слегка наклоняя голову, не сопеть и не чавкать, жевать с закрытым ртом, не говорить с едой во рту; следить за тем, чтобы губы, подбородок, нос, усы и борода не были в крошках, жиру.

Не облизывать губы; воздерживаться от отрыжек; пробуя фрукты, овощи, угощать небольшими кусочками рядом и напротив сидящих.

Не ковырять в зубах.

Не распространяться о качествах пищи; правда, девушкам и женщинам хвалить блюда не только не возбранялось, но даже по нормам этикета предписывалось.

* * *

Впрочем, следуя нормам традиционной этики, женщина или девушка воздерживалась от подобных хвалебных замечаний, если блюдо, кушанье было приготовлено сестрой, тёткой, матерью, дочерью, племянницей и др. или при их активном участии. Как раз в этих случаях нарушением норм не считались замечания типа «слегка пересолено», «чуть недоварено», «жестковато» и др.

* * *

Для ведения праздничного застолья избирался тамада. Его кандидатура могла быть оговорена организаторами праздника ещё накануне. Тем не менее, открывающий застолье представитель старшего поколения, уважаемый в обществе мужчина, обозначив

причину собрания и высказав краткие добропожелания в адрес хозяев, предлагал собравшимся выбрать тамаду. Как возможный вариант он тут же называл конкретного человека по предварительной подсказке хозяев. Собравшиеся шумно одобряли кандидатуру. Церемониал избрания заканчивался тем, что кто-либо из старших участников застолья предлагал поднять первые бокалы за тамаду. Затем названный брал в руки рог, бокал, благодарил собравшихся за честь («Я этой чести не заслужил», «Здесь находятся более достойные», «Я согласен только потому, что такова ваша воля» и проч.) и приступал к выполнению своих обязанностей. Как правило, это был человек старше среднего возраста, «умеющий говорить», т.е. обладающий даром красноречия, мудрый, находчивый, хорошо знакомый с жизнью джамаата, с особенностями взаимоотношений между тухумами, внутри тухумов, между отдельными семьями, прекрасно ориентирующийся в материальных возможностях каждой семьи.

* * *

Веда стол, он периодически провозглашал здравицу в честь кого-либо из присутствующих, давал ему краткую лестную характеристику и предлагал высказаться. Умение тамады, его опыт заключались в предоставлении возможности произнести тост подавляющему большинству присутствующих, соблюдая при этом очередность по возрасту, общественному положению, степени родства по отношению к хозяевам, особо выделяя пришедших, приехавших с поздравлениями из других, соседних и дальних обществ и т.д.

* * *

Никто без разрешения тамады не мог самовольно покинуть застолье: любой из его участников мог в любую минуту «понадобиться» ведущему стол для решения тех или иных задач поддержания атмосферы праздничности и веселья. Тут ещё имело место соображение этического порядка: воспользовавшийся на какое-то время всеобщим вниманием мужчина, произнесший тост,

спич, здравицу, удачно пошутивший, проявивший остроумие и т.п., по нормам морали обязан был выслушать и высказывания других, оценить их юмор, находчивость, красноречие. «Своё сказал и ушёл» — крайне негативная оценка поведения члена застолья в подобных случаях.

* * *

Время от времени тамада вступал с кем-либо в шутивную полемику, рассчитывая на остроумие и находчивость выбранного им собеседника; другого он мог обвинить в каких-либо нарушениях, самим же сфабрикованных или откровенно-вымышленных, по отношению к соседям по столу, зная, что «обвиняемый» будет остроумно оправдываться, и т.п. Словом, атмосфера праздничности, весёлости в таких ситуациях во многом зависела от умения тамады вести стол.

* * *

Целый комплекс запретов и престижных форм поведения на праздничном застолье во многом определял своеобразие традиционных этикетных норм.

Так, младший по возрасту слушал тост, обращённый к нему старшим или тамадой, стоя. Так же поступал мужчина любого возраста, когда с бокалом в руках в его честь провозглашал здравицу гость, тем более — кунак.

* * *

Морально-этические нормы дагестанцев категорически запрещали мужчинам пьянство. Пить хмельное можно было сколько угодно, при соблюдении одного правила: мужчина не должен был дать кому-либо повод сделать в его адрес замечание — «ты пьян». Даже облечённое в более деликатную форму («ты не следишь за собой», «ты теряешь над собой контроль», «пожалуй, тебе лучше больше не пить» и др.) подобное замечание считалось для мужчины унижительным.

* * *

Нормы застольного этикета предписывали воздерживаться от еды и питья, когда кто-либо провозглашал тост, когда за столом шла затеянная тамадой весёлая перепалка, когда кто-либо рассказывал присутствующим забавную, удивительную или поучительную историю и др. То же относилось и к разговорам с рядом или напротив сидящими.

* * *

Произносимый тост мог быть по форме остроумно-смешным, но обязательно доброжелательным по отношению к адресату. Иначе говоря, достижение общего веселья за счёт чьего бы то ни было смущения или досады, общественным мнением запрещалось.

22 января 2018 года не стало скульптора и философа Сабира Гейбатова. Человека, с которого мне начал открываться настоящий Дагестан. С ним я сделал первое интервью в республике. Выражаю глубочайшую признательность Марине Ахмедхановой — второй героине этой истории — за разрешение его опубликовать.

Сабир предпочитал солидным памятникам небольшие скульптуры — лишённые классического совершенства, но именно поэтому живые. Надеюсь, что это интервью хотя бы отчасти покажет его таким, каким он был — ярким, полным самоиронии и не боящимся острых углов. Сабир мог себе это позволить именно потому, что сознавал: каждая его мысль, даже спорная, заслуживает того, чтобы над ней задуматься.

АВТАРКИЯ БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ

Добросовестные журналисты (я слышал, что такие бывают) на беседу со знаменитостью приходят подготовленными. Но порой и знаменитости неплохо готовятся к приходу журналиста. Когда дагестанский скульптор Сабир Гейбатов, основатель философского клуба «Эпохе», проводил меня на второй этаж своей мастерской, стол уже был накрыт и радовал разнообразной закусью.

— Я взял лаваш, а потом думаю — зачем? Нужны чёрный хлеб, огурец и сало! — пояснил скульптор, откупоривая бутылку водки.

Путешествуя по республике, я чуть ли не каждый день уклонялся от попоек с гостеприимными горцами, но голые стены мастерской, брызжащий холодильник, стол с пирожками и сам вид скульптора-философа и его верной ученицы Марины так напоминали о советских кухонных посиделках, что

устоять было невозможно, — и я мужественно взял стакан.

— У нас в философском клубе активность сумасшедшая, — с гордостью начал Сабир. — До тридцати человек иногда собираются. Больше, чем в Москве. Всё потому, что социальные проблемы накалены, и люди пытаются реагировать. Скоро здесь будет выставка «Дагестан в евразийском пространстве». Часто евразийство воспринимают в кондовом, русско-фашистском варианте. А ведь существуют по меньшей мере четыре разных проекта. Пантюркистский, иранский, казахский, даже татарского сепаратизма... Любой нормальный человек — стихийный евразиец. Другое дело — какой версии. Наша задача — найти оптимальное сочетание элементов, но с упором на Москву. Это вопрос не только политической конъюнктуры, но и

культурной причастности. Здесь часто говорят, что Россия нам навредила. Такие люди просто не понимают, что Дагестан возник искусственно, как русский проект. Даже если мы придём к самостоятельности, всё равно надо быть благодарными.

Он на мгновение задумался и попытался:

— Давайте выпьем.

— Общались я с разными народами, — продолжил философ, закусив пирожком. — Все понимают, что мы живём в постсоветском доме и ментально близки друг другу. Это же катастрофа, когда уничтожают такую формацию, как советский человек. А ведь её можно подать и по-современному — советующийся человек. Консультант. Дагестан — это советская интернациональная республика. У нас лучше всего сохранилась советская ментальность.

— Жизнеспособна ли она до сих пор или же это лишь реликт? — спросил я. — В Дагестане я вижу серьёзное движение в сторону арабов, исламской религиозности.

— Это многополярный процесс. Не только фундаментализм, но и мусульманский протестантизм. У нас сильны традиции джадидизма, обновленчества, восприимчивого к цивилизационной роли России. Ещё мыслитель Гасан-Эфенди аль-Кадари в XIX веке говорил об использовании военной победы русских для развития Дагестана. В то же время среди симпатизирующих арабам много офисного планктона. Это очень постмодернистское явление! Человек увлекается авангардом, когда он ищет экзотику. А экзотика нужна, чтобы найти новый путь самореализации. Зайди в модное кафе — и увидишь девушку в хиджабе, болтающую о совсем неисламских вещах.

— Или вообще, танцующую под водочку! — добавила Марина.

— Ещё это мне очень напоминает по духу протесты на Болотной площади, — заметил я. — Кто-то белую ленточку накалывает, кто-то хиджаб надевает.

— Действительно, похоже! — оживился Сабир. — С точки зрения активизации политических претензий. Любое государство — тоталитарный проект. Оно нуждается в

политике, но из-за консерватизма стремится её закрыть. Поэтому нужно воспроизводство конфликтных элементов, чтобы система формировала новый иммунитет. Только печально, что это делается такими технологиями, как теракты. Если политика, то непременно гуманитарная катастрофа. Меня взрывы в Волгограде повергли в тяжёлую депрессию...

— А то, что в Краснодарский край на время Олимпиады запрещён въезд дагестанцам, чеченцам и ингушам, особым категориям граждан России, тебя в депрессию не повергло? — едко спросила Марина.

— Я не понимаю, — Сабир энергично потряс головой. — Нахско-дагестанская группа — наипервейший стратегический союзник России в сдерживании пантюркизма. Слышал, как в Ницце столкнулись чеченская и арабо-африканская мафии? Этот элемент, несмотря на ислам, при воспроизводстве идентичности всегда идёт на столкновение с арабами. Не говоря уже о турках и тем более иранцах. Почему из нас делают козлов отпущения? Это же плохо кончится. Просто нужно создать устойчивые взаимоотношения, снять всю эту аравийскую байду, которая через атлантизм идёт. Я поддерживаю Коровина, когда он говорит об автаркии больших пространств, особенно актуальной в условиях кризиса. Автаркия — это закрытая система, эдакое смягчённое корейское чучхе.

Он коротко хохотнул.

— Дагестан — многонациональный. С ним сложнее, но надо постараться. Раздражает лезгинка в Москве? Приезжайте сюда, станцуйте на нашей площади калинку-малинку. Или гопак. Когда-то ведь легализовали рок-культуру. Я тогда в Питере был, помню «Сайгон». Субкультура кавказской молодёжи — тоже интересная стихия. Её нужно использовать, привести к единому культурному знаменателю...

И мы вновь слаженно сдвинули стаканы.

— Уникальный город Махачкала, невероятно постмодернистский. В самом центре взрывается шахидка, и всё равно мы идём в кафе, жизнь продолжается. А ведь должен быть народный сход...

...Сабир стоял с сигаретой в руке и с каждой новой фразой оживлялся всё больше, словно благодарные слушатели множились на глазах.

— Трубецкой очень по-имперски говорил: на Кавказе нужно опираться на принцип «разделяй и властвуй». Он прав, и я не против. Парень устроил беспредел. Не надо весь тухум трясти, отца пригласи: «Твой сын или нет? Если твой, сядешь вместе с ним. Если нет, скажи, что это не твой сын, и не будешь отвечать за этого отморозка». Да, здесь кланы, однако нормально построенная клановая система вполне эффективна.

— Вопрос лишь, насколько она современна.

— Более чем современна! Вспомним неократию Александра Барта — правящую посткапиталистическую элиту. Или почитаем об эпохе Нового Средневековья, когда клятвенное обещание важнее капиталистического рации. Сейчас время коллективности, а не индивидуализма, что никак не поймут либеральные интеллектуалы Дагестана. Должны возникать коалиции людей с внутренней симпатией друг к другу и конструктивным отношением к социуму. Которые понимают, откуда они, где и куда идут. По моему ощущению, сейчас время нового мягкого фашизма — в значении связки, здорового союза. Муссолини по сравнению с нынешними политиками был очень честным человеком. Он говорил: «Наша предвыборная программа проста. Мы хотим управлять Италией». Обозначил цели чётко и ясно, а дальше — уж как получится. Что мешает нам создавать хорошие общества? Даже если страна продолжит дробиться, нормальные люди — из Армении, Азербайджана, Северного Кавказа, Сибири — должны держаться вместе.

Мы спустились на первый этаж, где нас встретили шеренги солидных советских бюстов, сделанных ещё отцом Сабира — Гейбатом Гейбатовым, народным художником России. Из стены выступала, словно морда трофейного оленя, лысая башка Ленина. Висящее рядом гипсовое крылышко придавало ему сходство с херувимом. Среди важных бестелесных голов возвышалась незаконченная, с торчащими железными рёбрами, статуя с отпечатками пальцев скульптора на шее.

— Скульптурой заниматься интересно. Ты стоишь, вертишь, пачкаешься... Потом она остаётся, потрогать можно. В фотографии мы делаем десять снимков и выбираем, в лучшем случае, один. Здесь — то же самое, только дольше и тяжелее. У философии скульптуры невероятный диапазон — от голографии до антипамятников Ричарда Серра, когда в городе ставят железяку, и она стягивает вокруг себя маргиналов. Производит отсос социума, очистку других пространств. Почему бы и здесь не поставить что-нибудь, стягивающее, к примеру, ваххабитов?

В инсталляциях на стенах мастерской зияли бреши в форме арабских букв, за которыми таились не то пустота, не то новый смысл. Крохотный джигит в черкеске раскинул руки, словно в танце. На правом плече сидела птица, по левому колену взбиралась на грудь змея.

— Это памятник влюблённому, — пояснил скульптор. — По стихам Омарла Батырая:

*Чёрный коршун со скалы мне садится на плечо.
Просит он, чтоб отдал я выпить очи подо лбом.
Чёрный коршун со скалы, ты не вовремя пришёл.
Я с тех пор, как полюбил, сам от жажды выпил их.*

*Чёрный змей с глухой реки заползает мне на грудь.
Просит он, чтобы отдал я сердце сахарное съесть.
Чёрный змей с глухой реки, ты не вовремя пришел.
Я с тех пор, как полюбил, съел от голода его...*

Потом разговор, как водится, пошёл о дамах. Сабир охотно развил эту тему:

— Ислам — это религия женщин. Когда пророку Мухаммеду было откровение, он спросил жену, не приглючился ли ему Джабраил. Та разделась, и ангел исчез. Тогда любимая женщина Пророка вынесла вердикт: «Значит, он хороший».

— Делая бизнес в Чечне, я поражался, как часто имеешь дело с женщинами, — кивнул я.

— И это нормально! Как в прайде — лев всегда спит. Самец не должен заниматься жизнеобеспечением. Ницше точно сказал: для мужчины воевать — то же самое, что

для женщины — родить ребёнка. Мужчина, работающий по хозяйству, не совсем мужчина. А русская культура разве не такая? Всегда и всюду женщина дом на себе тащит. Если этот парадокс абсолютизировать, то настоящего мужчины вообще не существует. Потому, что он в категории предельной пассионарности живёт не более мгновения. Его задача — оплодотворить и как можно быстрее погибнуть.

Гипсовые лица белели со всех сторон, а Сабир сидел в углу мастерской, уперев в висок фильтр горячей сигареты. И падал пепел, и скульптор то пускался в рассуждения на ускользящем от меня философском языке, то вновь говорил о чёрном коршуне, то включал вперемешку дагестанский рок и европейский прогресс и в семидесятых, а потом внезапно оказалось, что уже два часа ночи. Набрасывая пальто, он хлопнул меня по плечу:

— Знаешь, чем закончатся разговоры об отделении Кавказа? Потом задолбаются, это точно. Отступать некуда, позади Москва. Мой ответ прост: метизация! Побольше умных русских баб сюда. На новую евгенику. Стройте заводы, осваивайте территории. Обезопаситься можно только постсоветским евразийским интернационализмом. Я в питерском университете так и говорил: «Приезжайте, будем рожать детей. Учить их и православной, и мусульманской культуре. Я сам мусульманин, но считаю, что на Рождество лучше пойти в церковь. Все проблемы между нами — искусственные». Можно разделить, разорвать. Москва, Питер, Сахалин, Дагестан. Но нас же этим лишают памяти! Я хочу, чтобы нормальных людей в моей республике было больше. А нас вырезают. Пока — информационно.

— Причём международно! — подхватила Марина.

— Нет, — строго ответил Сабир.

— Межнационально?

— Внутри евразийского союза! — подытожил мыслитель, слегка покачиваясь среди безмолвных бюстов. — Автаркия, понимаешь, больших пространств!

Владимио Севриновский

Влада Бесараб

НА СЦЕНУ, БРОДЯГИ И ВАГАНТЫ!

Год театра в Махачкале оказался насыщен событиями: премьеры, гастроли, фестивали, выставки — только успевай следить за афишей. Попасть везде и всюду не успеть, как ни старайся.

А ведь есть ещё наши регулярные, из года в год проходящие крупные культурные ивенты. Фестиваль «Порт-Петровские ассамблеи», например, на который по приглашению Даггосфилармонии приезжают лучшие коллективы и солисты страны, да и зарубежные гости не последней величины. Но главным музыкально-театральным событием лета 2019 года мы назовём всё-таки не «Ассамблеи», которые состоялись уже в 12 раз, и, мы уверены, далее будут проходить ежегодно, радуя дагестанских меломанов. Хотя и Сергей Поспелов (скрипка), и Альберт Жалилов (вокал), и трио Алексея Черемизова, и американская джаз-дива Дениз Кинг были прекрасны, а зрители встречали их овациями и неоднократно вызывали «на бис».

И всё же... Самыми яркими, громкими (в прямом смысле тоже) и запоминающимися музыкальными событиями уходящего лета стали Дагестанский открытый этно-рок-джаз фестиваль «PROявление-05» и премьера сценической кантаты Карла Орфа «Carmina Burana».

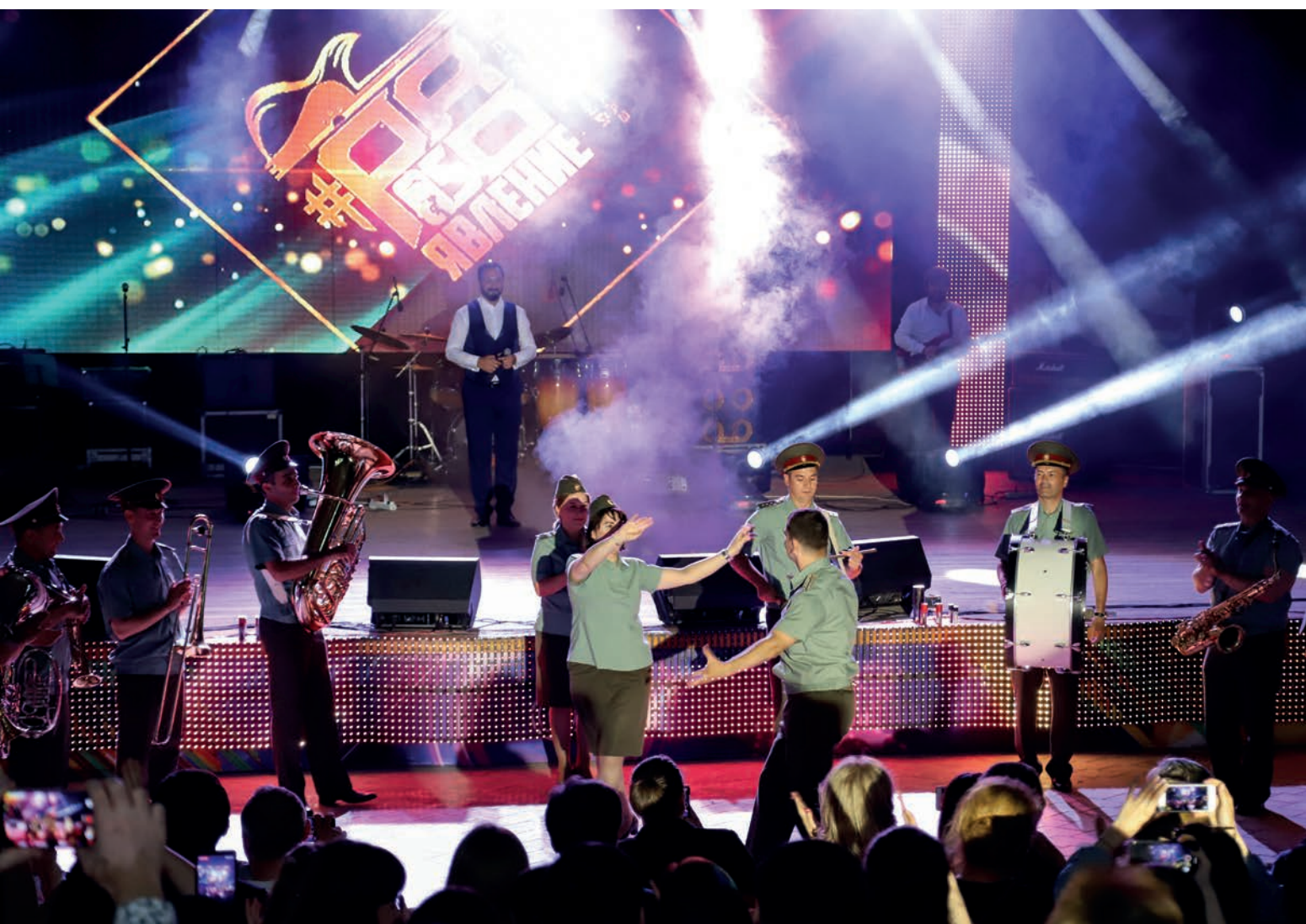
Так уж вышло, что они состоялись во многом не благодаря, а вопреки — и уже только этим вошли в историю современной дагестанской культуры. И эта музыка (эти очень разные музыки!) оказалась крайне нужна зрителям. Именно сейчас, именно сегодня, в беспокойном 2019, когда любое проявление инаковости — будь то цвет волос или фасон штанов, музыка или фильм — значительной частью общества воспринимается как покушение на их личные скрепы и устои. Когда непонимание и неприятие выплёскиваются со страниц соцсетей в жизнь, а виртуальные угрозы превращаются порой в реальные побои. И все ждут некоего обозначения «официальной позиции» — одни, чтобы понять, что именно уже дозволено, другие — что ещё не запрещено, но лучше не рисковать. И дождались.

Показали гостям и даже сами поверили, что мы действительно гостеприимная мультикультурная республика, где живут доброжелательные люди, которые любят и понимают искусство, которое может и должно быть разным. К моменту выхода журнала в печать на той же летней площадке

Даггосфилармонии пройдут ещё и Дни индийской культуры — с мастер-классами по йоге, индийским танцам и музыке, будет и показ индийского кино. А главный посыл Болливуда какой? Правильно — зачем ссориться, когда можно петь и танцевать!

Этно-рок-джаз фестиваль «ПРОявление-05» длился два дня. В первый — «роковый» — «Иное-Иное», «Славные парни», «The cosmic dance», «The High One», «FSBand», «GTown» (Грозный), Ирина Ракитина и группа «Magic band» (Нальчик), «План Б» (Астрахань) в течение пяти часов исполняли как композиции собственного сочинения, так и кавер-версии хитов всех времён и народов: от цоевского «Последнего героя» до «Сансары» Басты, от «Битлз» до «Нирваны». И если, до того как специальный гость фестиваля калифорниец Алекс Карлин (Alex Carlin) не заиграл «Smells Like Teen Spirit», перед сценой не танцевали только ленивые, то с первыми аккордами бессмертного творения Курта Кобейна сидящих, кажется, не осталось вовсе. Важно: во время слэма никто не пострадал (англ. Slam — это когда зрители на площадке перед сценой бегают по кругу, толкаются и врезаются друг в друга), стейдж-дайвинг (англ. stage diving — прыжок со сцены в расчёте на то,

что толпа поймает прыгнувшего и удержит над собой) тоже закончился благополучно. Хотя полицейские не сразу поняли, в чём дело, и слегка занервничали. Но не пытались оттеснить фанатов от сцены и рассадить по местам. И вообще: были вежливы, предупредительны и действительно обеспечивали порядок.

Разумеется, все команды играли живём. И было интересно наблюдать за тем, как каждая группа настраивала аппаратуру «под себя».

В день второй было больше этно и джаза. И музыкальных шалостей. Тон задал Государственный оркестр народных инструментов Республики Дагестан под управлением народного артиста РД Новруза Шахбазова: музыканты вышли серьёзные, расселись, дирижёр весь такой торжественный, как полагается, при бабочке, раскланялся, взмахнул палочкой и... «Пусть бегут неуклюже...». Зал взорвался от хохота и аплодисментов. Попурри, блестяще исполненное оркестром, состояло из крошечных фрагментов знакомых всем эстрадных, джазовых и рок-н-рольных композиций. Ну, и лезгинка, конечно, ведь в афише было заявлено «этно»!

Джаз-оркестр филармонии и военный оркестр в/ч 6752 подхватили эстафету и тоже вдоволь «похулиганили». Кумузист-виртуоз, солист Даггосфилармонии Башир Багавдинов извлекал из

инструмента какие-то невероятные звуки, заставляя его звучать, как целый оркестр, и вызывая у публики приятное недоумение: «А что, так можно?». Да-да, можно! И нужно! Это же так здорово, когда рок-музыка звучит в исполнении оркестра

народных инструментов, «лезгинку» выдают медные духовые, а мелодии и языки народов Дагестана вдохновляют рок-музыкантов республики на создание оригинальных авторских композиций. И зрителям нравятся такие эксперименты.

Да, молодёжь в зале сходила с ума под «Нирвану», но эта же молодёжь пела вместе с группой «Иное-Иное»: «В горном лесу // Я танцую кыссу... // Даже Койсу танцует кыссу ...».

И эта же молодёжь пришла на премьеру сценической кантаты Карла Орфа «Кармина Бурана» в исполнении хора, оркестра и балета Дагестанского театра оперы и балета и приглашённых солистов.

Полное название кантаты «Carmina Burana: Cantiones profanae cantoribus et choris cantandae comitantibus instrumentis atque imaginibus magicis» — «Песни Бойерна: мирские песни для исполнения певцами и хорами, совместно с инструментами и магическими изображениями». Последние имели место быть в виде проецируемых на большие экраны шедевров живописи эпохи Средневековья и Возрождения и фотографий первой половины XX века.

Композитор Орф считал кантату лучшим из своих творений и сам написал к ней либретто, которое включает стихи на латинском и средневерхненемецком языке. Это обстоятельство не только придаёт произведению загадочности и романтичности, но и делает его чрезвычайно сложным как для исполнения, так и для восприятия. Тут самому-самому «sapienti» ничего не «sat» без обширных комментариев и толкований. А

круг тем чрезвычайно широк: непостоянство удачи и богатства, быстротечность человеческой жизни, бессмертие (постоянное возрождение) природы, человеческая слабость и склонность к удовлетворению низменных желаний (удовольствие от пьянства, обжорства, азартных игр и плотской любви). Актуально на все времена. Неслучайно «Кармина Бурана» стала одним из самых исполняемых произведений XX века, а пролог (он же эпилог) под названием «О, фортуна» знаком самым далёким от академической музыки людям и с первых нот узнаваем ими. Так по фрагменту угадывают «Джоконду» даже те, для кого слова «художник» и «худо» — синонимы.

«Написанная в 1937 году, кантата и сегодня поражает слушателей своей монументальностью и величием. Музыка Орфа — главное действующее лицо представления», — непременно пишут во всех отзывах, и мы не станем спорить, ибо это действительно так. Яркие «магические изображения», быстро меняющиеся хореографические картины задействовали всю балетную труппу театра (хореограф-постановщик —

главный балетмейстер театра, заслуженный артист России Муса Оздоев). Прекрасные солисты Елена Лямкина (сопрано, Германия), Юрий Зеленин (баритон, Москва) и Никита Борисов (тенор, Москва) даром своего вокала помогали раскрыть всю красоту и величие этого музыкального шедевра, донести до зрителя тончайшие его нюансы. Главной же была музыка. С первых тактов она буквально обрушилась на зал — как лавина, как цунами, и утащила за собой куда-то в иную реальность. Выплывать, выныривать обратно не хотелось — хотелось, наоборот, погрузиться как можно глубже и не дышать.

Надо отдать должное руководителю проекта (она же — его главный хормейстер), художественному руководителю Дагестанского государственного театра оперы и балета, заслуженному деятелю искусств Дагестана Наталье Макеевой, собравшей замечательную команду профессионалов для этой премьеры. Режиссёр-постановщик, лауреат всероссийских и международных конкурсов Дмитрий Павлов, поставивший в минувшем сезоне несколько интересных спектаклей в Русском и Кумыкском театрах, здесь ярко проявил себя как режиссёр музыкального

граммах, когда нет возможности — без балета и/или проектора, но исполнять. Эта музыка должна звучать в Махачкале, в Дагестане (ах, как бы смотрелось представление на крепости в Дербенте!), наши артисты и слушатели этого достойны.

И рок-фестиваль должен быть. Потому что даже серьёзным музыкантам тоже иногда полезно «похулиганить», отвлечься. А альтернативным командам, особенно молодым, которые сейчас загнаны в полуподполье и играют в лучшем случае квартирники, нужно выступать на большой сцене, перед большой аудиторией, чтобы свет, звук, фейерверк, слэм и вот это вот всё. Чтобы мультикультурализм и полиэтничность воплощались в мультижанровости и прочем разнообразии. И будет нам тогда внутренний драйв и мотивация. Ну и положительный имидж плюс высокая туристическая привлекательность региона бонусом.

театра (скажем так, ибо нет специализации «режиссёр сценического действия»). Репетиции шли в отсутствие солистов, которые прилетели в Махачкалу лишь за несколько дней до премьеры, и в этой ситуации, конечно, большая ответственность легла на дирижёра. Народный артист России, профессор Валерий Хлебников умело «сшил» все детали в единое музыкальное полотно. Не последнюю роль сыграло и мастерство художника по звуку Александра Мохаревского (Ростов-на-Дону), именно благодаря ему все звучало, и всё звучало великолепно, что в наших краях редкость.

Столь масштабный проект удалось реализовать на средства гранта главы Республики Дагестан. Но очень не хотелось бы, чтобы постановка стала разовой. Понятно, что у республики нет средств каждый раз приглашать солистов. Только ведь практически весь коллектив театра — оркестр, хор, артисты балета — столько сил вложили в эту работу. Они, именно они взяли эту планку, покорили эту высоту! Они поверили в себя, а мы, зрители, — в них. Поэтому кантату необходимо исполнять. Может быть, не полностью, в концертных про-

Светлана Анохина

Удобно быть глупым, волнуют такие простые вещи

Уезжая на пару дней в родимый Хунзах, любимый принёс сырую тяжёлую курицу без головы. Для выживания...

Так и сказал — это тебе, чтобы выжить. Курица согласно мотала тонкой пупырчатой шеей, заканчивающейся ничем.

Одиннадцать с половиной лет назад курицы у меня не было, я как-то выживала и без неё. Тогда я была страшно влюблена в этого Рыжего и практически только им и питалась. Когда он был рядом — ела глазами. Когда его рядом не было — ловила кого-нибудь зазевавшегося или звонила друзьям и исподволь заводила нужный разговор. Мой «исподволь» был такой: «И вот, что ты себе думаешь, Он опять...»

Друзья страдали, но издавали сочувственные звуки. А один друг — Кам, приспособился спать с телефонной трубкой на ухе и сквозь сон даже поддерживать разговор разными эмоциональными «данунахрен!».

Окна нашей редакции удачно выходили на дом рыжего брата, где Рыжий какое-то время жил. Я нашаривала глазами нужный подъезд, отсчитывала этаж и долго пялилась на занавески, за которыми кто-то одиноко слонялся туда-сюда. Становилось чуть легче. Затем мы с редакцией переехали, и стало сложнее. Утратилась связь, некуда было пялиться.

Однажды прихватило среди ночи. Я вышла из дома, на последнюю сотку поймала грача, доехала куда надо, поднялась на 8-й этаж и минут 15 оглаживала дверь его квартиры. Гладила не просто так, а напрягала всю мощь своего сердца, ума и печени, чтобы протолкнуть через дверь любовную мысль. Мысль выглядела примерно так: «сволочь-идиот-дебил, немедленно пойми, какая я дивная и счастье твоей жизни, и прибеги ко мне в красивых трусах и с признаниями!». Мысль, смешиваясь с сигаретным дымом, густела на глазах, разливалась по двери красивым сизым киселем и тихо просачивалась в глазок.

Спустя пару дней любимый явился с пельменями. Но без признания. Видимо, просочилось не полностью, и какая-то часть мысли зависла. В следующие несколько раз я уже ехала подготовленная, как ниндзя, и не просто гладила эту треклятую деревяшку, а дышала на неё и даже немножко царапала в процессе.

Прошло сильно много времени, всё сработало и даже больше, чем нужно. Титаническая сила моей титанической мысли преодолела все двери, стены, замки и даже губительное воздействие микроволновки. Я сильно заужавала себя и свои экстраординарные способности. На людей смотрела свысока и даже немножко жалела, когда кто-то несчастливо влюблялся.

И вот около полугода назад мы по какому-то случаю отправились в гости к рыжовому брату. Я прямо, как увидела этот дом, так всхлипнула от нахлынувших воспоминаний и потрусила знакомой дорогой. Но была схвачена за плечи и перенаправлена в соседний подъезд.

В соседний подъезд.

В соседний!

Где была совсем ещё не обжитая лестничная площадка и совсем незнакомая дверь.

Очень интересно узнать, что случилось с тем семейством, которое я облучала. Побежал кто-то из них по сонным улицам в красивых трусах? И как далеко забежал? А может быть, молодая жена удрала с дальнобойщиком, а муж влюбился

в диспетчера такси «Каспий» — девушку с красивым голосом? А может, там и не было молодой семьи, а жила скучная и пристойная пожилая пара, и как-то они взяли и на ровном месте сошли с ума? Зарубили топором участкового или усыновили аквариумную рыбку и назвали её Сиражутдином?

Ничего не знаю. В моём сегодня больше нет этих дверей. Сегодня я выживаю с помощью курицы.

В принципе, это очень удобная вещь, от неё можно откусить хвост, а потом ещё и защищаться от внезапных врагов. Как только внезапные враги начнут внезапно подкрадываться к двери, быстро распахнуть её и отмудохать их курицей.

Старушка Сара

Вышли мы с Лейлой охреневшие.

Мы, собственно, всё время были охреневшие, с той самой секунды, когда зашли в этот дворик, постучали, нам открыли дверь, и мы переступили через порог.

Ну, ладно, Лейла, она ещё маленькая, а я?

Я говорила себе: «Спокуха, Светлана! Вы были в гостях у Вили, где между двух горок спрессованного мусора — по колено, а то и по пояс — вилась узкая оленья тропка, и под пряником, который вы неосторожно так взяли с чего-то серенького, обнаруживалось ярко-белое пятно — подлинный тарелкин цвет. Вы убрали флэт Жорика Чёрного и обнаруживали под ковриком пожилую кашку его собаки-пидараса по имени то ли Фагот, то ли Тромбон. У вас у самой жил в коробке кролик Сруль и всемерно украшал и озонировал, когда из коробки научился выбираться. Да и без Сруля — тоже тот ещё был подарок ваш дом...»

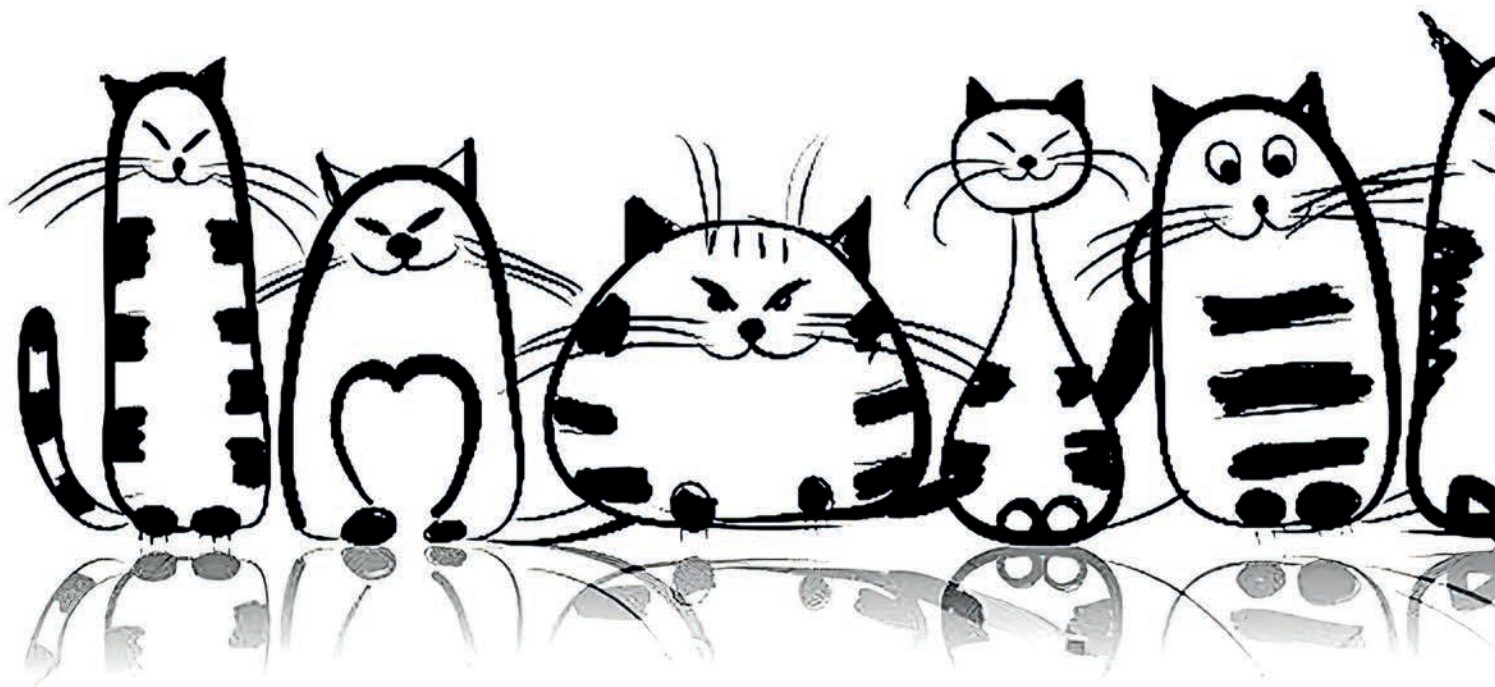
Но все эти мантры не помогли ни хрена. Мантры ваще как-то плохо помогают от кошьего запаха и блох. Особенно если их — блох и кошек — набито до фи́га в малюсенькую комнатушку, размером со спичечный коробок. Лей сразу обморочно плюхнулась на стул и лежав-

шую там кошку, которой, кажется, было похрен, а я мужественно дошла до дивана и уселась на блох и пружины.

Так вот, если нам с Лей было плохо — то и пружинам, и блохам, и кошкам было зашибись. А ещё зашибись было хозяйке 84-х лет. Это была такая бойкая, весёлая сухая старушка, с седой челкой. Она была нам рада — гости ведь, нечастое дело, и даже подстелила мне под жопу «чистую» какую-то тряпочку. А сама тут же бросилась к зеркалу прихорашиваться. Ну, чтоб на фото получше выйти. А мы с Лей тупо смотрели на неё, на упаковку из-под Вискаса, присобаченную за рамой зеркала, на портреты разных Вайкуле-Киркоровых-Казарновских на ободранных стенах, на прекрасного мужчину Раджаба Идрисова — на той же стене, и на какой-то пригоревший ужас в сковородке на электрической плитке.

Я думала: только бы она не затеяла нас угощать, только б не... Лей, наверное, думала то же самое. Если б затеяла, я бы попросила Вискаса.

И вот, значит, она там живёт, да. Раньше было две комнаты и коридорчик, а потом — бабах — пожар-всё-стгорело, а когда она надумала как-то это дело отстраивать, оказалось, что застенные соседи ещё раньше надумали и отстроили, как хо-

тели, и теперь старушка может рассчитывать разве что на коридорчик.

А чё? Хороший коридорчик. Даже окно в нём есть. Нужник общественный, дворовой прямо за стенкой журчит, чтоб не скучно. И диванчик помещается. Столик ещё, какой-то узкий шкафчик-пенал, стул, кошки в ящике; а с одеждой можно ваще просто устроить — натянуть бельевую верёвку и на неё, значит, того. Повесить. Сколько там одежды-то? Фигня! А купаться можно тут же, в коридорчике. Со двора воду притащил, на плите нагрел, в таз встал, из другого на себя поливаешь ковшечком. Красота и гигиена!

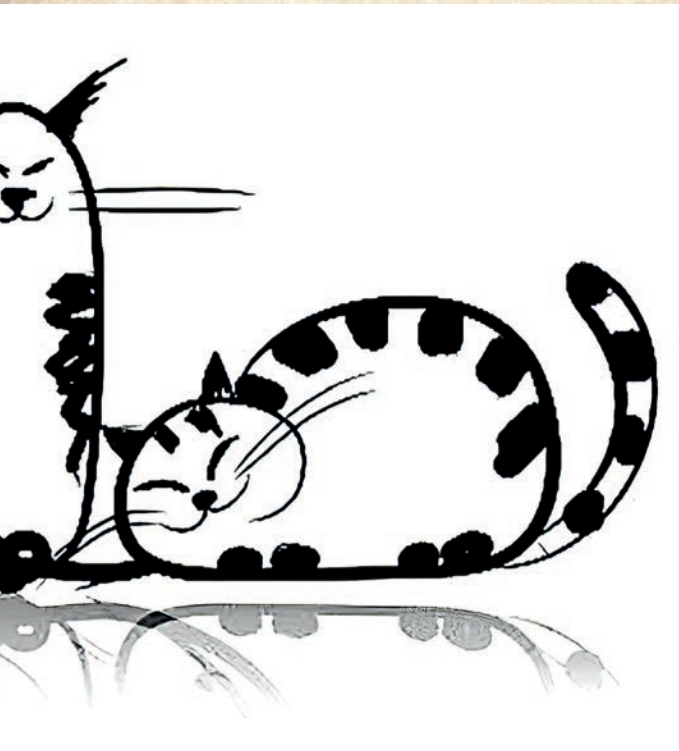
И вот в этой конуре, среди этой тесноты, темноты и — чего уж врать — страшной кошмой вони живёт человек, радостнее и веселее которого я давно уже не видела. Причём, радость не по какому-то отдельному серьёзному поводу, а просто так! На теме стрёмных соседей старушка долго не задержалась, о болезнях и одиночестве не говорила (какие уж тут болезни, не болеет она и не одинока, вон, портреты на неё со стен смотрят и кошки), а очень быстро перескочила на разные разности. Про Малахова нам рассказала, что, мол, хороший журналист и «Пусть говорят»! Про Сару Джессику Паркер, которую любит, поскольку тёзка. Про «в краю магнолий» спела и немножко поплясала даже под неё. И сказала нам стишок на азербайджанском.

А потом махнула рукой — да чего про меня писать! Всё равно не поможет — и вытащила у меня

из-за спины котёнка. Он там ворочался и драл меня когтями. Видимо, думал, что кошачий Боженька послал ему большую, просторную мышь.

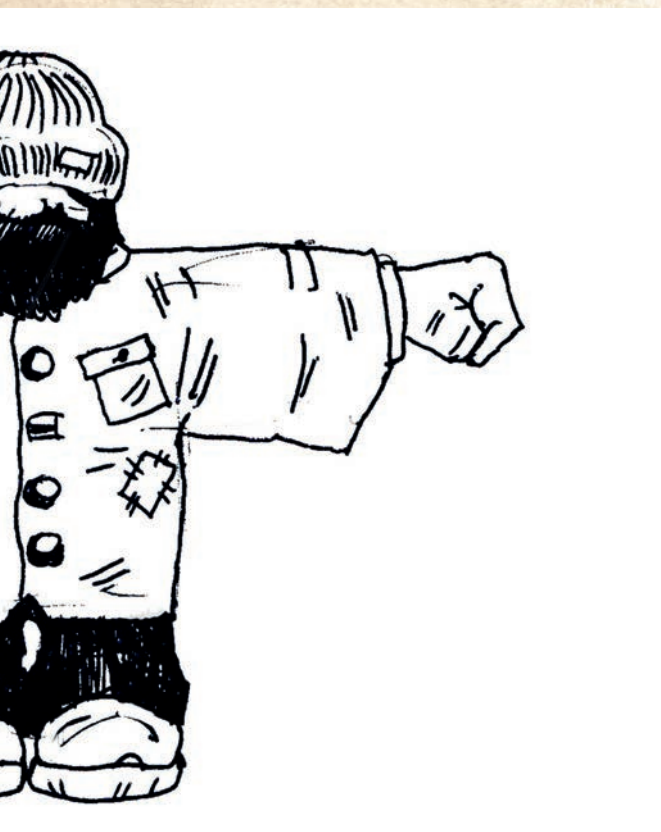
Ещё нам с Лей сообщили, что во всём буквально виноваты евреи (странно было слышать такое от человека с именем Сара). И Путин, вроде бы, не еврей, а вот насчёт Медведева она не слишком уверена. А наш собственный президент, здешний,

нынешний — не алё. Потому что у президента должен быть большой рот и желательно ещё нос, а МС с его маленьким детским ротиком и пухлыми румяными щёчками ей лично доверия не внушает.

Как и соседи, впрочем, потому что они потравили её собак, и теперь кошки сидят дома, чтоб их тоже не потравили. И КАЖЕТСЯ(!!!) где-то нагадили уже, ведь пахнет вроде?

Вроде пахнет, деликатно согласились мы с Лей. Покивали головами, мол, да, КАЖЕТСЯ, немного пахнет. И посмотрели друг на друга слезящимися от застарелой вони глазами. Тут ведь не одни кошки, тут ведь и ещё благоухающий нужник за тонкой стеночкой.

А она всё щебетала. Жаль я, дура, не записала её на диктофон. Это была какая-то удивительная речь. Очень хорошим, сочным, правильным языком, и обо всём на свете. Что читать любит — как увидит газету — так сразу и читает. Про Перельмана, мол, зря от денег отказался, взял бы, положил на книжку, а то вдруг — нищая старость? Про окопы, которые во время войны рыла с 6-ти утра и до 6-ти вечера. Как её в азербайджанки записали, хотя мама русская, а папа иранец. Про голубей, к которым она вроде заленилась вчера идти, а потом подумала: я ж их каждый день кормлю, они ждать станут! Ещё про то, что из-за животных не пошла учиться в музучилище. Ведь там как? Там, как поступишь, прямо сразу станешь звездой и гастроли, гастроли, а кошек на кого оставить? Мужа нет, не вышло с замужествами, да и ваще, на что мужики эти? Бездельники и не нужны.

На этой фразе мы с Лей заёрзали. Я на своих блохо-пружинах в знак принципиального согласия и готовности вот прямо сейчас идти и выгонять, а Лей на своей кошке, которая, видимо, слишком нагрелась. А потом мы всё-таки пошли. Уже невозможно было столько времени не дышать.

Шли и думали — ну чем тут можешь, а? ЧЕМ? Попросить соседей не травить её зверей, чтоб те хоть во двор по нужде ходили, а не на газеты, что на полу? Нереально. Выстроить общественную баню, чтоб не в тазу мылась? Дык, центр города, тут будут тыкать многоэтажки и торговые центры до опупения. Была бы она ветеран войны — так не воевала же, окопы рыла. Так что квартиру ей никто не даст. Судиться с соседями она не станет. Разве что потолок подлатать бабке, чтоб в дождь не протекал — но кто за это возьмётся, а?

А ей, казалось, и на фиг не нужна вся эта суета. Зачем, если голуби ждут у Кукольного театра, когда она к ним придёт с размоченной и отжатой булочкой в руке, пять кошек готовы потесниться и впустить ещё одного шелудивого котёнка, а по телеку скоро «Пусть говорят»?

Затаившийся доллар, крадущийся рубль

Подруга Яшка-Сулейман, она же Айшат Абдулаева, схватила чашку, подцепила пальцем мелкие чайные пузырьки, потыкала в свои рыжие волосы и стала довольная. Я покачулась и обмерла лицом.

«Рот закрой, — сказала мне вежливая Яшка, — не знаешь, что ли? Это ж деньги!»

Рот я закрыла. Я про пузырьки и деньги мало знаю. В детстве больше всего любила 15-копеечные монеты и радовалась, когда вместо скучного бумажного рубля мне давали горстку нарядной мелочи. А как-то мы играли в «магазин», но мне стало скучно, чтоб камешками, на которых химическим чернильным карандашом написано «5 копеек», «2 рубля», и я притащила из дома красивые облигации Золотого Займа. Вечером папа учил меня офицерским ремнём, чтобы я поняла, и приговаривал: «деньги на деревьях не растут». А много лет спустя ту же фразу сказал мне один мой муж. С папой я ничего поделаться не могла, а на мужа так обиделась, что скоро развелась.

Не могла же признаться, что в некотором смысле так и думаю, что есть такое специальное дерево, где растут пёстрые бумажки — червонцы, четвертные, сотенные, а если вдруг мировой какой кризис или в кошельке пусто, так это оттого, что неурожай. Так что не надо париться, надо переждать.

Если говорить честно, я не хотела бы быть моими деньгами. Я бы тогда писала родственникам безутешные горькие письма, мол, жизнь у нас не задалась и коту под хвост, ведь достались мы не тому человеку. Нас не пускают в рост, даже не швыряют на ветер. Нас совсем немного, и мы не приумножаемся, а жизнь ведём унылую и затворническую в толстой книге «Мифы и легенды народов мира», между Троллями и Троянской войной.

Вот такие это были бы письма, и горячая слеза прожигала бы «Мифы» на важной строчке — «узнавший о своей судьбе погружался в состояние ужаса».

Нормальным людям я стараюсь об этом не

говорить. Нормальные люди сначала смеются и обидно тычут в меня пальцем, а потом сразу хотят взять в долг. Они знают, как ими распорядиться. Я — нет. Но мне всё равно нравится читать про Настасью Филипповну, как она такая — раз! — и стотысячную пачку в огонь. «Лезь, — говорит, — Ганя! Голыми руками вынай и забирай». А Ганя от таких страшных переживаний уже грюкнулся в обморок и лежит на полу весь бледно-зелёный и красивый, как американский доллар.

Про деньги вообще всё интересно. Про то, что они с людьми делают и люди делают с ними. И про то, как они существуют отдельно от себя самих. Вот, у меня, скажем, они существуют в блокноте. Читаем: «Журнал «Клоповник» — 8 500, Гуля — 3 200, Магашка — 1 350 р. с 2008-го(!); газета «Половая жизнь Табасарана» — 870 ррр!». Их там, в блокноте, намного больше, чем между Троллями и Троянской войной. Это те деньги, которые мне должны и, скорее всего, никогда не отдадут. Но они у меня вроде есть. Как муж, уехавший в долгую командировку в Антарктиду к пингвинам. С одной стороны, вроде, в наличии, а с другой — из «кран потёк», «полочку повесить» и «секса бы...» выкручивайся сама, как знаешь, голубушка.

Ещё вот что. Иногда они слишком требовательные. Хотят, чтоб за них пахали, вкалывали, упирались рогом и рвали глотки. А я этого не люблю. Говорю — не, не так уж вы мне и нужны, идите вы... А сама сижу и думаю про денежное дерево, что оно есть, и нечего дёргаться лишний раз, когда можно в любой момент спуститься с крыльца и по траве, по росе пойти к нему, помахивая пустой плетёной корзинкой, которая пахнет яблоками.

И вам, размазывающим чайные пузырьки по головам, не понять, какое же чистое и прозрачное счастье знать, что где-то совсем недалеко есть человек Перельман, которому буквально на дом приносят миллион бледно-зелёных, как Ганя, купюр, а он отвечает: «Не надо мне. У меня всё есть».

И даже не открывает дверь.

Пишет о том, что успеваешь заметить в меняющемся вокруг мире. И о тех, кого не хочешь отпускать. Живёт преимущественно в самолётах, а иногда в Киеве и Тбилиси.

Саша Делеменчук

кто-то очень умный и злой,
с горьким и острым чувством сарказма
разматывает нам километры,
крутит пластинки иглой,
и так неповторимо наказывает
нас всех за неподчинение правилам,
за прогулянный тотальный диктант,
всё той же иглой проигрывателя чертит радиус,
где каждый из нас чёртик и арестант.
кто-то показывает нам кино под веками,
кто-то чертит размашисто раскадровки,
кто-то нас наказывает за то, что с людьми
мы разделили миску перловки,
дали участия, кусок сердца, вроде данко.
но больше печени,

вредная работа у нас — не щадит здоровье.
кто-то очень умный, злой, обеспеченный
нас заставляет отвечать за своё пустословье.
нас посылает в ответ на молитвы или проклятия,
их отправляет к нам в дороги, леса и горы,
и разверзается море вспять ему,
и остаётся 40 лет на уговоры.
кто-то очень в нас заинтересованный
приказал своим ангельским хедхантерам
сделать нас менеджерами образцовыми
чьего-то бесконечного странствия.
тот, в кого я совсем не верю,
приходит тихо, толкает ковчег.
завтра уже притаилось за дверью.
завтра, в котором мы вытащим всех.

* * *

во мне уже со вчерашнего дня подспудно и преступно бродит капля некоей субстанции, и называется эта субстанция — лето в Тбилиси. тот, кто прожил его хоть один раз, задыхаясь на перекрестках, и, оживая под тенью платанов, кто прогулялся по его ночам, таким же душным, как и дни, по его прохладным утрам, когда всё ещё не настал мир взрослых и можно встречать жизнь на качелях, ориентируясь на огоньки его дождинок и черешен, на абрикосы, алычу и кривые улыбки арбузов на прилавках, кто пил его звёзды, как шампанское, на вершине Нарикаллы и уронил туфельку вниз (я когда-то уронила 10 лет тому назад и всю жду, когда мне её вернёт Принц среднего возраста:)), тот никогда не забудет и не сможет отпустить

эту странную субстанцию в крови. и хотя остался ещё один день весны, но лето в Тбилиси уже победило. и оно будет длиться до октября. с криками по утрам: «мацоониии! малинааа! бааали!»», с привычкой глав семейств отпраивлять жён и детей в Цхнети, Сурами, Абастумани, а, значит, с ещё большим количеством скоротечных романов и феерических пьянок, хотя может ли этот город вместить больше (?), с какой-то залихватской повальной каникулярностью, с цветами и сказками на каждом углу, с горами на горизонте, с надеждой, что всё понарошку, за которую я это лето больше всего и люблю. ну, и за белое холодное, конечно.

* * *

я думаю, что однажды утром я проснусь старой.
посмотрю в потемневшее зеркало на своё лицо (к тому времени уже отображающее современные достижения пластической хирургии), медленно пройду на кухню, поставив на огонь потемневшую джезву, привезённую из весеннего еревана, закурю сигарету и, жмурясь на солнечные лучи, задумаюсь про свою жизнь и пойму, что я благодарна.
за то, что я была. была собой и была с ними. с ними со всеми, кого к тому времени потеряю или нет. за то, что я была на мостах и в аэропортах, в придорожных забегаловках, и на верхушках башен, с часами и без часов. я буду благодарна за розарий своего деда, и
пожелтевшие любовные письма своего прадеда, за свои туфли и птичьи хвостатые одёжки, за монетки невиданных стран, о которых любят мечтать не мои дети, за мамино белое платье, словно доставшееся в наследство от мэрилин (и каждая из нас его доносила),
за папины импровизации на пианино мастера меера, за лёгкое дрожание платанных веток и сладкую воду южных городов, за своё конфетное безумство и отречённость, за предрассветную тишину, в которой понимаешь, что пора.
я буду благодарна за свою жизнь, принятую как праздник, за свою нелепую любовь и
склонность ошибаться. за давний апрель, и за то, что я умела в жизни многое, только не
умела предавать. за собаку, которая когда-то меня этому научила, в раннем детстве, когда
платье мэрилин только подмигивало мне из шкафа.
однажды утром я проснусь старой. и пока я буду думать, кофе обязательно сбежит.

* * *

Как много посторонних в моём дне —
Толпятся, наступают — не спасёшься,
Чужих забот поспешное сиротство
Так беспощадно тянется ко мне.
Так много посторонних — как зёрна,
которое смешали с чечевицей,
и я спешу, перебирая лица,
но всё никак не достигаю дна.
И вот они уже в моей крови,

Я отличить уже не успеваю
Упрямство от беспамятства любви,
Ведь посторонних в мире не бывает.
Оглянешься — вдруг грянет темнота
И, ноги промолив на остановке
В туфлях хрустальных, убегаешь снова,
Чтоб феям тебя было не достать,
Чтоб завтра снова замыкался круг,
Чтоб было больше странного труда,
Чтоб золушки не опускали рук,
В принцесс не превращаясь никогда.

* * *

Я так давно мечтаю набрести
Случайно на простейшую разгадку
Весны, поющей тысячью тростин,
И Бога, поливающего грядку
Дождём и солнцем, может быть вином,
И вырастают радостные дети,
И радостно их крылья за спиной
Уже поют о предстоящем лете,
О карнавале сорванных светил,
О городах, где суждено проснуться
Когда-нибудь потом, но звук тростин
Уже до сердца властен дотянуться.
Я так давно мечтаю отыскать

На рынке, среди хлама и печали,
Галдёж велосипедного звонка
И беззаботность где-то за плечами.
В музейных залах, в окруженье спин
И лиц, вниманьем тихим поражённых,
Найти какой-то призрак — тень руин —
Что задрожит прозреньем и ожогом.
На улице, где диапозитив
Весны зелёной отразился в окнах,
Я так давно мечтаю обрести
Тот давний дождь, когда беспечно мокла.
Мой труд — нелеп и праздностью смешон.
Прохожие нахмурятся с оглядкой,
Но Бог, наверно, вышел на балкон,
И каплет радость над вселенской грядкой.

* * *

весна — такая странная штука, в ней случается всё и сразу, душераздирающе пахнет сирень и сакура, совершаются подвиги и чудеса, потому в ней столько воспоминаний. глядя на нас, стоящих год назад на крыше мира, и параллельно думая о своей профессии (была погружена в это на рабочей специально придуманной встрече три дня), я понимаю, что я всё же кшатрий, а значит, у меня, как у каждого воина, свой путь. путь воина кончается победой или смертью (не скоро, не надейтесь). значит так тому и быть. я дерусь за свои (бесполезные) чудеса, потому что я дерусь. а люди, которые бездействуют и размазывают сопли, очень не мои люди. я могу их защитить, но не могу их любить. мы — воины, наш путь — слабоумие, отвага, права человека и белое холодное. и мы своих не бросаем. даже после смерти.

* * *

вот опять убежать, ну какой же задумчивый город,
по его переулкам, как по листьям стекает вода,
и опять остаётся вернуться нелепо и скоро,
но сначала уехать стремительно и навсегда.
вот опять убежать, не допив два глотка на террасе,
не додумав две мысли, резной силуэт обронив,
и заплакать во сне, осознав себя где-то на трассе,
осознав себя вне, осознав себя больше не с ним,

без фонтанов его, без дрожащего детского горла,
без затмений и ссадин, которые память и гнев,
вот опять убежать, признавая побег любви,
той чистейшей из всех,
что сродни только поздней весне.
как мы все далеко, как дождинки стекаем по листьям,
и проходим сквозь свет, словно дети и птицы звуча,
ты меня подождёшь, мой последний на свете тбилиси,
моя капелька яда, моя золотая свеча.

* * *

«у меня есть мои три товарища. один молодой, прагматичный, злой и умный, но верящий в любовь и семью человек. сильно любит ром. второй — высокий, темноволосый, значительно старше остальных, пользуется у женщин безумным успехом и у друзей непререкаемым авторитетом. третий — с копной волос и кучей удивительных идей, изобретатель и романтик, душа кампании. странно смотреть, как оживают книги твоего детства, и странно видеть, что всегда считала себя Пат в серебряном узком платье, но время рассудило, и платья твои стали шире, и ты, — не главная трагическая героиня, ты их Альфонс — тот, кто кормит и поит, и встанет с каждым из них до конца. жизнь смешнее и правдивее всех романов и вносит свои коррективы во всё, включая смерть»

Магомед Бисавалиев

История одной беды в обществе Таянада

— Много несчастья и горя принесла охота на туров и оленей в горах, много... Кто-то попадал под камнепад и снежную лавину. Другие срывались и разбивались насмерть — это очень безбаракатное и глупое занятие. Не зря ведь говорят в горах Джурмута: «Адамазул глабдал — чанахъан, чвазул глабдал — юргъачу» («среди людей дурак — охотник, среди лошадей — иноходец»), — говорит тётя сидящим за столом и рассказывает какую-то очень занимательную историю...

Был осенний дождливый день в Махачкале, она приезжала к моей старшей сестре на недельку в гости. Я не стал её возвращать к началу повествования. Внимательно историю слушала моя сестра и её гости.

— Там, кажется, шесть или семь человек погибли тогда – под лавину попали. Первым пропал охотник, узнали, что его унесла снежная лавина. Когда на его поиски отправилось всё село, сошла ещё одна лавина и унесла тех, кто искал охотника. Жуткая история...

«Как услышишь плачи и причитания их женщин по этому горю, прямо душу выворачивает», — поддержала разговор моя старшая сестра. Она дёрнулась от картины ужаса, постучала пальцами по столу, потом тихо что-то прошептала про себя и завершила фразой: «...да убержёт Аллах».

— Мне среди тех умерших людей больше всего жалко жену охотника, который пропал первым. Некоторых из них нашли в снежной лавине и предали земле. Другие тела оставались там почти до весны. Искали, оказывается, когда растаяла лавина, находили трупы и предавали земле. А у охотника отдельная история. А что испытывала жена того несчастного — это один ужас, — говорит тётя.

— Что она могла испытывать, в отличие от других пропавших?

— Ей не до горя было. Оказывается, она ещё ужасно стыдилась тех женщин и детей, чьи мужья и отцы пропали из-за её мужа. Он пошёл на охоту один. Его унесла лавина, а все остальные люди погибли тогда, когда пошли его искать. Он стал причиной смерти ещё шести человек. Это всё от Аллаха, их дни были сочтены на земле, а охотник стал причиной их ухода в мир иной. Но не все же умные, чтоб это понимать. Некоторые жёны и родственники умерших, оказывается, упрекали жену охотника. Слух пошёл в ауле, мол, она сказала, что хочет свежее мясо тура. А молодой муж, над которым

имела власть красивая молодая жена, пошёл на охоту, чтобы ей мясо достать. Возможно, что это было не так, — мужчина и сам мог пойти на охоту. Но в историю о том, что причиной этого несчастья стали капризы молодой красивой женщины, многие поверили. Отчаявшись от горя и безысходности жёны пропавших мужей открыто упрекали жену охотника: «Почему не ешь мясо тура? Поставь казан и довольствуйся мясом, твоя алчность похоронила наших мужей живьём в снежной лавине».

Вот такую страшную зиму прожили люди, убитые горем в этой снежной стихии, в диком, оторванном от большого мира, месте с лютыми морозами, со снежными бурями и лавинами, где выли волки, плакали ночами жёны и матери, ждали обманутые дети наступления весны и возвращения своих отцов домой.

Отцы не возвращались. С большим опозданием проявились первые признаки весны: таяли снега, снежные лавины, что заполняли ущелья, изо дня в день становились меньше. Люди ежедневно работали и искали потерянных сельчан; находили тела и предавали их земле. А несчастного охотника и ещё одного человека всё никак не могли найти.

Когда после очередных поисков сельчане возвращались с трупом, женщины и дети стояли на плоских крышах и ждали вестей: кого же нашли на этот раз? Среди ожидающих была и несчастная жена охотника. Часть молодых людей, участвовавших в поиске, отправилась вперёд, чтобы подготовить могилу на кладбище. Они и сказали женщинам, которые их встретили у годекана, чьё тело оттуда несут. Выяснилось, что не охотник это, а один из последних, кто пошёл на поиски охотника. Женщины гурьбой с плачем и причитаниями пошли к дому, где должна была пройти похоронная процессия. На краю плоской крыши осталась одна оклеветанная и сторбленная горем несчастная жена охотника, которая стала объектом ненависти сельчан. Она зарыдала и что-то там причитала — длинный плач был, я

не всё помню, — сказала тётя и прервала разговор.

Мне чрезвычайно интересен был именно этот плач несчастной женщины, но я не спрашивал об этом — могло выглядеть несерьёзно, когда мужчина интересуется такими вещами. К моему счастью, тётя процитировала сохранившиеся в памяти несколько строк из плача жены охотника, обращённые к мужу:

**«Ратунби, ратунби, рацЦа ратунби!
Мун, гЛайиб ккарав чи, гЛорсой хутИби.
Регьйиби, регьйиби, рацЦа регьйиби!
Льимал гьеав дада дава воунби...»**

В подстрочном переводе звучит примерно так:

*Пусть находят, находят, всех находят!
Ты ж, виновный, оставайся в лавине.
Пусть вернутся домой, все вернутся!
Отец без детей пусть останется там...*

В русском переводе плач несколько коряв и не звучит так мощно и трагично, как на диалекте аварского — сильно цепляет!..

— И какова была судьба этого несчастного охотника? Нашли его? — спросил я наконец у тёти, хотя во всей их беседе практически не принимал участия.

— Летом... летом, когда полностью растаяла лавина, нашли его тело на самом верху, где было мало снега и легче всего можно было найти. Просто не попали на него, так было угодно Аллаху, — закончила тётя эту страшную историю общества Тлянада.

Я не стал вдаваться в подробности жуткой истории, не раскрыл имена людей и название аула, ибо люди есть разные и не всем нравится, когда упоминают страшные истории их родных и близких. Многие от такого бегут как от дурного сна, от привидения, будто если вспомнить это, мы накликаем на себя очередную беду...

Но была, оказывается, ещё одна жуткая история из этой же серии. И случилась она в Джурмуте.

История одной беды в Джурмуте

Случилось это в 30-х годах прошлого столетия в ауле Чорода общества Джурмут. У них луга для сенокоса находятся в нескольких километрах, по ту сторону реки. Поэтому чородинцы не возили сено в аул, строили там же, на пологих склонах хутора. Молодые женщины переселялись туда, до середины зимы ухаживали за животными, а ближе к марту, когда заканчивались запасы сена, возвращались в аул вместе со скотом. Но беда, если зима окажется снежной, – огромные сугробы, зависшие на горных хребтах, обрушиваются вниз, перекрывая и ущелья, и даже саму реку Джурмут.

Та зима была именно такой. Два дня без перерыва падал снег, а к вечеру второго дня сошла лавина, унося всё, что встретилось на её пути, вниз, к большой реке. Когда грохот стих, всё в природе будто оцепенело в ужасе и тоске. Люди Чороды застыли на плоских крышах своих домов. Они смотрели в сторону ущелья, где мгновение назад чернели их зимние фермы.

Все, кто мог хоть что-то делать, похватили лопаты, верёвки и побежали вниз к речке. Наступил вечер, в ауле было так тихо, будто онемели мужчины, онемели женщины и даже младенцы у материнской груди тоже онемели.

После полуночи кто-то крикнул, что по мосту через реку Джурмут вроде бы кто-то идёт — виден слабый свет факелов. Спустя некоторое время к годекану вышли трое молодых парней, они шли тяжело, сторбившись, будто каждый нёс на плечах пудовые мешки. Они не поднимали голов, не глядели в глаза аульчанам. Аул боялся их о чём-либо спросить. А они боялись заговорить.

Наконец один из них сделал шаг вперёд и стал называть имена. Одно имя. Два. Три. Четыре. Пять... После шестого имени он замолчал. И тогда над аулом поднялся плач. Женские вопли и причитания смешались с детским плачем и страшными лающими звуками рыданий без слёз. Вскоре к годекану подтянулись и остальные спасатели, они и рассказали, что первая лавина, обрушившаяся с западного склона горы, унесла двух молодых девушек с зимней фермы. А когда подоспевшие раньше других шестеро молодых крепких мужчин, начали поиски, с восточного склона сошла вторая лавина, забрав и их.

Выжившие стояли вдоль стены мечети, не смея поднять глаз. А аул на разные голоса оплакивал своих погибших – дочерей, сыновей, сестёр, братьев. Через некоторое время вперёд шагнул убелённый сединой старик и с надрывом в голосе прокричал:

— Воистину мы все от Аллаха, к Нему и возвращаемся. К этой большой беде привело наше безрассудство и неумение слушать старших. Когда первые три человека побежали к речке после лавины, я, старый человек, до нижней части аула бежал за ними, кричал и умолял, чтобы остановились на минуту! Не послушались они. Видимо, так было угодно Аллаху, не зря ведь говорят: когда у раба кончается ризк на земле, его за одну ресницу тянут, ведут навстречу смерти. Все возвращайтесь в свои дома, и ни один человек никуда не выходите до весны, читайте зикру и салават за упокой души умерших. У них смерть шахидов, и их души в райских садах. Нас, живых, надо жалеть, которые остались в этом грешном мире, — сказал Супи Муса (суфий).

Люди стояли, слушали его и понимали — старик прав. Искать тела погибших в огромных завалах снега в ущелье было не проще, чем иголку в стоге сена, да ещё и неизвестно, не унесло ли их дальше. Одним словом, чородинцы прожили тяжёлую, безотрадную зиму. В какой-то момент слёзы закончились, а общее горе сделалось настолько невыносимым, что не только женщины, но и мужчины приглашали к себе в дома лучших плакальщиц. Те заводили свою песню, всплескивая руками, раскачиваясь из стороны в сторону, и сердца, окаменевшие от горя, смягчались, — человек мог плакать, а значит, снова делался живым.

Наступила долгожданная весна, но смёрзшаяся гора снега, принесённого лавиной, стояла, как и раньше, будто солнце и тепло обходили её стороной. Люди бродили, не зная, где копать и как найти своих пропавших. Возвращались вечером полумёртвые от усталости и отчаянья. Супи Муса ежедневно читал проповедь, успо-

каивал людей: «Совсем скоро растает снег, скорее всего, они окажутся в самом низу ущелья», — говорил он. Начались весенние посевные работы — несмотря на большое горе надо было дальше жить.

Наконец проход по речке стал возможен. Правда, пройти можно было, только пригнувшись. Не много нашлось охотников брести по студёной воде, в полумраке, искать мёртвые тела. Всего двое вызвались пойти. Некий Махамат из аула Салда и бесстрашная женщина из Тохота. Махамат должен был на ощупь искать, а женщина — освещать ему путь факелом. Рассказывают, что эти двое каждый день по одному-два трупа находили в этом страшном, холодном и тёмном месте. Находили и волоком тащили туда, к свету, где стояли и ждали люди. Изувеченное мёртвое тело, пролежавшее вечность под снегом и будто бы ставшее его частью, попадало в руки тех, кто его знал, любил, кто тосковал по нему, — и оплаканное, оно вновь обретало имя.

КУЛЬТУРНЫЙ КЛИПОРТРЕТ

